

Майкл Модхушудон Дотто

Шармиштха

Перевод с английского

Под редакцией
Т. Г. Скороходовой

Новосибирск
СИБПРИНТ
2020

УДК 82-2(540)
ББК 84-6(5Инд)
Д 709

Перевод с английского Д. С. Никитина

Michael M. S. Dutt
Sermista : a drama in five acts
Calcutta
I. C. Bose & Co.
1859

Дотто М. М.

Д 709 Шармиштха / М. М. Дотто ; перевод с англ. Д. С. Никитина ; под ред. Т. Г. Скороходовой. – Новосибирск : СИБПРИНТ, 2020. – 64 с.
ISBN

Пьеса выдающегося индийского писателя Майкла Модхушудона Дотто «Шармиштха» – одно из первых произведений современной бенгальской драматургии.

УДК 82-2(540)
ББК 84-6(5Инд)

ISBN

© Никитин Д. С., перевод, 2020

Раджам Протапчондро Сингху и Ишшорчондро Сингху, бахадурам, с величайшим почтением посвящает этот перевод их покорный и смиренный слуга Майкл Модхушудон Дотто.

Произведение, перевод которого содержат следующие страницы, – первая попытка создать классическую гармоническую драму на бенгальском языке. Историю о Шармиштхе можно найти в первой книге Махабхараты, почти сразу же после Шакунталы¹, ставшей столь знаменитой благодаря блестящему гению Калидасы².

«Шармиштха» будет показана в изящном частном театре, построенном на вилле Белгачхия³, принадлежащей раджам Пайкпара. Если драма в Индии вновь расцветет, потомки не забудут этих благородных джентльменов – первых друзей нашего восходящего национального театра.

Надеюсь, что при подготовке перевода собственной пьесы я сумел достаточно точно выразить свои мысли, чтобы дать европейским читателям ясное представление об оригинале. В красивой персидской басне роза наделила своим благоуханием кусок глины, на котором росла; если могущественные духи Запада и Востока, которым автор «Шармиштхи» посвятил лучшие годы своей жизни, не сделали ничего для него, то он – самый несчастный человек и заслуживает сострадания читателя!

М. М. С. Д., Калькутта, 1859 г.

¹ История Шакунталы изложена в первой книге Махабхараты (Ади-парва. Гл. 65–68).

² Калидаса – древнеиндийский поэт и драматург, автор драмы «Шакунтала».

³ «Белгачхия театр» – бенгальский любительский театр, открытый в 1858 г.

Действующие лица

Мужчины

Яти – индийский царь

Мадхавья¹ – видушака² царя

Министр

Шукрачарья – наставник асуров³, или титанов

Капила – его ученик

Вакасура – военачальник асуров

Асур

Брахман

Страж дворца

Женщины

Деваяни – дочь Шукрачарьи, впоследствии царица, жена Яти

Пурника – ее служанка

Шармиштха – дочь царя асуров

Девика – ее служанка

Нати – девушка-музыкант

Служанка

Придворные, горожане, танцовщицы, музыканты и т. д.

Сцена первого акта – долина Гималаев и обитель, или ашрам, мудреца Шукрачарьи, второго и последующих актов – Пратиштхана, столица царей Лунной династии.

¹ То же имя носит шут в «Шакунтале» Калидасы.

² В индийской драме – комический персонаж, шут.

³ В мифологии индуизма асуры – демоны, гиганты. Противники богов.

Действие I
Сцена I

Долина Гималаев, в отдалении виден город богов.

Входит асур в полном снаряжении¹.

Асур. Здесь, в горном уединении, брожу я день и ночь. Когда я вижу, что из города, лежащего внизу, столь далекого и туманного, выходят вооруженные легионы, я лечу на крыльях ветра и несу вести своему милостивому господину, ибо такова его могучая воля. (*Ходит туда-сюда.*) В этой безлюдной обширной долине тысячи птиц наполняют воздух нежнейшими мелодиями, а мириады душистых цветов улыбаются, расцветая вокруг. Аромат неувядающей париджаты² из небесных рощ овладевает моими чувствами, и затихающие отголоски дивных песен апсар³ достигают моего восторженного слуха. Я слышу оглушительный рев льва и раскатистый рык тигра; хриплый, сердитый голос горного потока, что всеми силами непрестанно стремится выпрыгнуть из своей облачной колыбели. Как прекрасно! О печали, вызванной разлукой с домом и друзьями, мою душу заставляют забыть пейзажи и звуки этих мест; – им это удастся! (*Ходит туда-сюда.*) О! Я слышу чьи-то шаги? И трудно сказать, враг подходит или друг, но, что бы ни случилось, я должен быть готов поприветствовать его. (*Вынимает меч.*) Кажется, что даже недвижная земля дрожит под ногами этого могучего воина!

Входит Вакасура.

Кто идет?

Вакасура. Пусть победа вечно осеняет знамена повелителя асуров! Я один из подданных Его Величества.

Асур. О, Вакасура, мой господин? Доброго дня, о превосходный!

Вакасура. Доброе утро! Как идет твоя служба, честный воин?

Асур. Отлично, о доблестный! О превосходный, добро пожаловать в эти дикие края. Мой господин, с какими ты вестями?

¹ Асуры – Титаны индусской мифологии, и как их европейские собратья – *Prorgo Contemprix superum* (прим. М. М. Дотто).

² Небесный цветок, который никогда не увядает (прим. М. М. Дотто).

³ Небесные нимфы (прим. М. М. Дотто).

Вакасура. Ах, мой храбрый товарищ, мы только что избежали полной гибели!

Асур. Как, мой господин?

Вакасура. Мудрый Шукра¹ хотел покинуть нас и наших собратьев навсегда!

Асур. Пусть Господь, которому мы поклоняемся, не позволит свершиться этой беде! Но отчего же, мой господин?

Вакасура. Наша милая царица Шармистха в пылу девичьей ссоры столкнула в яму Деваяни, дочь мудреца². Когда наставник узнал об этом, он вспылал яростью! Скажу тебе, храбрый асур, – просто чудо, что зажженное так пламя не обратило нас в пепел.

Асур. Верно, мой господин. Но вот что странно – повсюду говорят, что прекрасная дочь мудреца столь же дорога нашей милой царице, как и ее собственная жизнь.

Вакасура. Да, это так. Но они обе молоды и красивы, а молодость и красота делают женщин безрассудными!

Асур. Прошу, мой господин, продолжай!

Вакасура. Разгневанный мудрец ворвался в зал для приемов, не дожидаясь приглашения, и воскликнул громовым голосом: «Пусть же с этого дня разорение преследует тебя! Я оставляю тебя и твое царство, несчастный царь!» Мрачный взгляд и злое слово мудреца заставили побледнеть даже храбрейших, и в зале внезапно воцарилась глубокая тишина!

Асур. И что тогда, мой господин?

Вакасура. Наш милостивый государь смиренно и встревоженно сказал: «Отец, чем же согрешил я перед тобой, что ты хочешь так жестоко сокрушить меня и мое царство – ты, наше единственное прибежище, наш единственный хранитель?»

Асур. Что же на это ответил мудрец, мой господин?

Вакасура. Он сказал: «Ты, царь, – могущественный владыка миряд воинственных асуров, ужасных врагов самих бессмертных богов, а я лишь бедный брахман. Как могу я быть твоим прибежищем и твоей защитой?»

¹ Этот вспыльчивый старый мудрец был наставником асуров (прим. М. М. Дотто).

² Ади-парва. Гл. 73, 3–13.

Асур. Видно, гнев, сделал его почтительность столь же едкой, сколь и насмешливой. Продолжай, мой господин, прошу тебя!

Вакасура. Наш владыка бросился к ногам наставника и смиренно умолял объяснить причину его недовольства. Мудрец же позволил царю подняться и, рассказав о том, как дурно поступили с его дочерью, строго потребовал, чтобы наша милая Шармиштха отныне служила Деваяни рабыней!

Асур. Да? Что же было потом, мой господин?

Вакасура. Прославленный владыка асуров посмотрел на мудреца будто человек, услышавший ужасный голос гибели! О, какое невыразимое страдание отразилось на царском челе! Но казалось, это лишь вновь разожгло сильнейшее пламя гнева в сердце мудреца, и он воскликнул: «Дай мне уйти и пропади ты пропадом вместе со своей злой и надменной дочерью!»

Асур. О Боже милостивый! И что случилось потом, мой господин?

Вакасура. Поднялся министр и сказал его величеству: «О благородный владыка, когда купец плывет по бездонным глубинам на своем корабле, полном бесценных самоцветов, золота и серебра, и небо вдруг чернеет от туч, начинается страшная буря, приводя воды в ярость, разве этот купец не бросит в ревущие волны свои бесценные самоцветы, золото и серебро, лишь бы спасти свою жизнь?»

Асур. Мой господин, что же ответил повелитель?

Вакасура. Наш благородный владыка приказал, чтобы к нему привели милую царевну, и, рассказав ей о неумолимом и жестоким желании мудреца, сказал: «Дитя мое, спаси гордое племя асуров от гибели!»

Асур. Увы! И что на это ответила милая госпожа?

Вакасура *(вздыхает)*. Увы, мой храбрый товарищ, когда царская дочь входила в зал, ее лицо сияло, как осенняя луна; но когда она слышала о жестоких словах мудреца, то побледнела, словно осенняя луна, когда черные тучи наступают, чтобы скрыть ее великолепие! О великий Господь! Какой нелегкий удел достался ей! Когда царевна вышла из тронного зала с мудрецом, наш благородный правитель громко зарыдал! Говорю тебе, мой соратник, сердце разрывается, когда я вспоминаю слова беспросветного горя, что слетели с уст Его Величества!

Асур. Увы! увы! Но кто может противостоять Судьбе! Прошу вас, мой господин, скажите – оставил ли тогда мудрец свой гнев?

Вакасура. Отчего же нет?

Асур. Мы действительно избежали гибели. Если бы заклятые враги нашего народа, живущие в этом городе, узнали об этом, – о, как бы они радовались!

Вакасура. Это правда. Но неужели ты думаешь, храбрый асур, что богам ничего не известно об этом?

Асур. Сложно сказать, мой господин. Их вестники быстрее, чем быстрокрылая мысль и быстроногая молния; ничто не может скрыться от них ни в небесах, ни на земле, ни в подземных царствах.

Вакасура. Смотри, в городе царит глубокий покой.

Асур. Разве ты, о благородный воитель, не знаешь, что вся природа замирает в тишине перед тем, как разразится шторм в своей неукротимой ярости? Но оставим это. Скажи, прошу тебя – где сейчас царевна?

Вакасура *(вздыхает)*. В суровом жилище мудреца с его дочерью. Ах! Ее отсутствие превращает город Асуров в темную, истощенную пустыню! Говорю тебе, храбрый друг, когда я вспоминаю горе царицы, отчаяние царя, сердце мое болит, а ноги отказываются возвращаться домой! *(За сценой слышны звуки трубы, крики, звон оружия.)*

Асур. Слушай, мой господин! Как страшно!

Вакасура. Как же так? Ты думаешь, что вражеское войско начало вторжение в страну асуров?

(За сценой.) К оружию, к оружию, сыновья Бессмертия, убейте проклятое племя асуров! О, убейте их!

Асур. О! Неужели наступает конец всего сущего и раскрылись врата могучей Бездны? Как страшно!

Вакасура. Пойдем, мой храбрый товарищ, вернемся к нашим друзьям. О, как согревает мне сердце этот звук летящих стрел из вражеского лука! Клянусь, это самая славная музыка!

Уходят.

Сцена II
Обитель мудреца Шукрачарьи.
Входит Девика.

Девика. Владыка дня скрывается за западными горами. Пернатые жильцы этой тихой Обители возвращаются в свои дома в ветвях, наполняя воздух мелодией радости; яркоглазый возлюбленный¹ касается нежного чела королевы-лотоса, и прощальный поцелуй скрывает ее красоту за вуалью печали; золотой чакравака² и его невеста сидят в безмолвной печали в пышной листве, не сводя глаз друг с друга, ибо близок час расставания; святые мудрецы – каждый в своей пещере – готовятся к торжественному вечернему жертвоприношению; коровы с полным выменем молока ищут своих телят с нежным нетерпением. Вечерние тени быстро приближаются, и все же — где царевна? (*Вздыхает.*) Не сон ли все это – ужасный сон? Разве возможно, чтобы прекраснейшая из царственных дев носила гнусные цепи рабства? Увы, где мягкое цветение красоты на лице? Где солнечные лучики радости, что прежде сияли в ее глазах ярче, чем у газели? Увы! все увяло и ушло! Да и могло ли быть иначе? (*Вздыхает и смотрит вокруг.*) Ах, вот, я вижу мою бедную подругу! Как устали ее шаги!

Входит Шармиштха.

Царевна моя! Отчего ты так поздно?

Шармиштха. Милая, разве ты не знаешь, что теперь я рабыня и своей воли у меня нет?

Девика. Моя царевна! Твои печальные слова разбивают мне сердце! Ах! Дивный цветок, нежнейшая из земных дочерей! Как жестока твоя судьба! (*Плачет.*)

Шармиштха. Прошу, скажи: отчего ты плачешь?

Девика. О царевна! Даже холодное каменное сердце растаяло бы, услышав рассказ о твоих страданиях!

¹ Солнце поэтически называют «возлюбленным лотоса» (прим. М. М. Дотто).

² Говорят, что эта птица (Anas Casarca) ночью расстается со своей суженой из-за проклятия некоего мудреца, которого она оскорбила (прим. М. М. Дотто).

Шармиштха. Глупая, о каких страданиях ты говоришь?

Девика. Луну во всем своем великолепии сбросили с ее звездного трона на мерзкую землю: дочь могучего царя обречена трудиться как раба! О Боже! Какая странная игра! *(Плачет.)*

Шармиштха. Нет, мой ласковый друг, пусть я раба — но кто может лишить меня моей драгоценной царственности? Прошу тебя, посмотри на меня. Этот зеленый берег — мой изумрудный трон! *(Садится на берег.)* Величественное древо с его сотней зеленых рук простерло надо мной тронный балдахин. Прекрасная кумудини¹, цветущая в прозрачном пруду, — моя служанка. Слышишь тихое пение пчелы, собирающей чаш из золотых кубков ночных цветов? Это мой музыкант. Смотри, сладостный южный ветер освежает мое царственное чело и успокаивает мои чувства ароматами, украденными у сотни рдеющих цветов. И вот! великолепная Луна и ее звездная свита сияют надо мной, словно золотые светочи! И веселая Фантазия — госпожа пиров моего высокого Величества! Моя славная, зачем ты называешь несчастной меня, владеющую столь многими и разнообразными источниками наслаждений?

Девика *(улыбается)*. Милая царевна! До шуток ли сейчас?

Шармиштха. Ты можешь назвать это шуткой? Но неужели ты не знаешь, что подлинное счастье рождается в глубинах сердца? Зачем мне искать его во внешнем мире? Лютня, которая хранит нежный дух Мелодии, утешает твой слух своим мягким, печальным голосом в дворцовых палатах так же, как и в скромной деревенской хижине — она не ведает различий.

Девика. О, как жестока ты, проклятая Судьба!

Шармиштха. Ах нет! За что ты клянешь Судьбу? Если я дам человеку самую прекрасную пищу, достойную самих богов, а он смешает ее с ядом, съест, отравится и умрет, — назовешь ли ты меня виновницей его горя?

Девика. Моя царевна, как можно?!

Шармиштха. Тогда отчего ты зовешь Судьбу жестокой? Кто искушал меня, чтобы я поссорилась с Деваяни? Мои непокорные страсти! Посмотри, мой отец — владыка огромного народа

¹ Вид лотоса, который раскрывается ночью и, разумеется, влюблен в Луну (прим. М. М. Дотто).

асуров, великолепие его царственности подобно солнцу в зените; даже бессмертные боги трепещут под его могучей дланью! Я его единственное дитя, и все же я – рабыня! Но не сама ли я стала причиной несчастий, омрачивших мой путь? Не не сама ли я, как безумная, смешала горечь и желчь с медовым питьем, приготовленным мне Судьбой? Как можешь ты проклинать Судьбу? Как можешь ты называть ее жестокой?

Девика. Моя царевна! Слова твои, что я слышу, словно исходят из божественных уст самой богини красноречия, они успокаивают мое встревоженное сердце подобно бальзаму! О великий Боже! как мог ты допустить, чтобы с милой госпожой поступили так жестоко? *(Плачет.)*

Шармиштха. Моя нежная подруга! Ты напрасно плачешь.

Девика. Милая царевна! Неужели тебе суждено жить и умереть рабыней?

Шармиштха. Может ли пленник сломать замок на воротах своей темницы по собственному желанию? Тогда что проку позволять нетерпению терзать и мучить сердце? *(Торжественно.)* О, разорвать эту крепкую цепь, которой Несчастье обвило меня, может только наш милостивый Отец.

Девика *(удивленно)*. Моя царевна! Неужели тихий Дух Смирения поселился в твоём лotosовом сердце, и бурные волны страсти мирно успокоились? Как странно! Вы говорите как отшельница, чья жизнь прошла в одиноком покаянии и молитве, в печальном ожидании верного спутника. О великий Господь! Зачем ты бросаешь драгоценную париджату¹ в пустыню, где не ступала нога смертного? Увы! Ты создаешь ярчайшую из жемчужин, чтобы похоронить ее в глубоких водах Бездны? *(Плачет.)*

Шармиштха. Идем же, милая подруга, вернемся в наши хижины. Видишь, Деваяни, подобная кумудини, возлюбленному Луны, идет сюда со своей подругой Пурникой. Ты, милая, всегда называешь меня своим лotosом. Но если я твой лotos, должна ли я цвести здесь в этот вечерний час? Разве моя лучезарная любовь не скрылась за западными холмами?² Значит, я должна

¹ Париджата – райское дерево из индийской мифологии.

² Лotos распускается днем (прим. М. М. Дотто).

оплакивать ее отсутствие в безмолвной печали. Прошу тебя, пойдем.

Девика. Моя царевна! Как ты можешь называть эту надменную дочь брахмана «кумудини»? По моему ничтожному мнению, ты – полная Луна, а она – злой Раху! О, если бы у меня был диск Вишну¹, я бы убила ее на месте!²

Шармиштха (*улыбается*). Стыдись! Ты сошла с ума? Ведь это могущество ее отца защищает наших отцов от того ужасного диска! Пойдем, пойдем в наши хижины!

Уходят.

Входят Деваяни и Пурника.

Деваяни (*смотрит вверх*). О, как красиво! Прошу, взгляни на это сияющее созвездие над нами! Мне кажется, будто это свадьба Земли, а великолепный хозяин звезд и яркая Луна встретились, – и каждый стремится добиться и заполучить ее! И оглянись вокруг, милая! Смотри, какие свежие цветы распускаются этой ночью – словно гирлянда зардевшейся невесты! (*Вдыхает.*)

Пурника³. Отчего же это великолепное зрелище заставляет тебя вздыхать? Не огорчает ли величие Супруга Рохини⁴ твое сердце? Ах, я не знаю, что случилось, но со дня твоей ссоры с царевной Шармиштхой, в тебе произошла странная перемена. Ты стала молчаливой и печальной, подобно той, что не смеет доверить языку мысли, лежащие глубоко в сердце! Прошу тебя, милая подруга, откройся мне! Нехорошо, что ты скрываешь от меня свои мысли!

Деваяни. Нет, не упрекай меня, милая Пурника! Я все время жаждала открыть тебе свое сердце, но... (*Колеблется.*)

Пурника. Прошу тебя, Расскажи мне свою историю, ведь я так долго жду, дорогая!

¹ Чакра – оружие бога Вишну.

² Раху – лунное затмение; считают, что это половина [голова] асура, которого Вишну разрубил своим диском за то, что тот проглотил немного амриты – напитка бессмертия (прим. М. М. Дотто).

³ В «Махабхарате» этот персонаж носит имя Гхурника.

⁴ Луну индусские поэты описывают как бога, а не как богиню. Рохини – одно из лунных созвездий – согласно легендам, жена Луны (прим. М. М. Дотто).

Деваяни. Тогда слушай. Когда меня бросили в ту темную мрачную яму, сердце предало меня, и я потеряла сознание от страха. Когда чувства вернулись ко мне, в той глубокой тьме я громко заплакала, но только Эхо слушало мои рыдания и насмехалось надо мной. Не знаю, как долго я плакала. Но вот нежный голос достиг моего слуха и спросил: «Кто ты, что рыдает в этой пустой темной яме?» Я ответила: «Не знаю, кто ты, но спаси меня, иначе я погибну». Тогда он спустился на дно ямы и поднял меня вверх так же легко, как слон играючи поднимает цветок. Вновь я увидела свет солнца! Передо мной стоял мой избавитель. О, какая мужественная красота сияла на его челе, сколь блистателен был окружавший его ореол славы! *(Вздыхает.)*

Пурника. Как странно! И тогда...

Деваяни. Он сказал: «Прекрасная дева, богиня ты или рождена смертными? Какое оскорбленное божество обрекло такую неземную красоту на гибель в этой черной яме?» Я ответила: «Господин, я дочь Шукрачарьи, Деваяни». Тогда он сказал: «Госпожа, я хорошо знаю твоего отца. Все люди почитают его, и я прошу вас приветствовать его от моего имени. Я – Яяти из Лунного рода». А потом мы расстались! Моя милая подруга! Когда какой-нибудь бог, очарованный пылом преданности своего почитателя, внезапно является перед ним, стоящим на коленях, исполняет желания его души и растворяется в воздухе, тогда этому верующему обожателю, не заметившему исчезновения любимого божественного облика, все еще мерещится, что он слышит небесную мелодию, что он видит пред собой облик неземного света. Так и я. Стоит мне закрыть глаза, как я вижу перед собой образ моего избавителя в сиянии славы! С той минуты его лучезарный образ обитает в моем сердце! Увы! услышу ли я вновь музыку этого голоса, увижу ли лик его Величия, восседающего на троне – о, я погибла! *(Плачет.)*

Пурника. В самом деле удивительная история! Но скажи, почему ты скрываешь мысли своего сердца от нашего почтенного отца?

Деваяни. О, нет, разве эта история для его ушей? Царь Яяти – из касты воинов, а я – дочь брахмана¹.

Пурника. Это правда, праведница! Но взгляни на этот нежный бутон цветка. Если бы он распростер свои золотые руки и привлек к своей нежной груди вероломного червя, то скоро бы этот изменник съел его мягкое сердце и лишил его красоты и жизни! Так и любовь, которую невинная дева прячет в своей груди! Было бы лучше, чтобы история твоей любви дошла до слуха мудреца.

Деваяни. О, нет, твои слова безумны! Я скорее умру!

Пурника. Смотри! Сама Судьба ведет сюда мудреца! Думаю, это хороший знак.

Деваяни (*словно испугавшись*). О, пожалей меня, милая Пурника, умоляю тебя!

Пурника. Может ли слепой видеть, какой путь лучше?

Деваяни (*испуганно*). О, пощади меня! Ты знаешь, как гневлив наш отец! О Боже! Ты хочешь принести меня в жертву всепоглощающему огню его смертельного гнева?

Пурника. Я не враг тебе, дорогая! Прошу, оставь меня, а я буду просить за тебя перед нашим почтенным отцом.

Деваяни. Прощай! Быть может, мы не увидимся больше! Он обязательно убьет меня в гневе!

Уходит.

Входит Шукрачарья.

Пурника. Отец! Моя дорогая подруга наконец раскрыла мне тайны своего сердца!

Шукрачарья. Как? О чем ты, дитя?

Пурника. Отец, то, о чем думал ты – правда!

Шукрачарья. Есть ли то, чего глаза любви не могут рассмотреть? Прошу, Пурника, дитя, скажи, как зовут юношу, в которого она влюблена?

Пурника. Отец, его зовут Яяти.

Шукрачарья. Ха! Ха! Для того чтобы украсить грудь Вишну, голубые глубины океана принесли великолепный драгоценный

¹Мужчина из касты воинов (кшатрий) не может взять в жены женщину-брахманку (прим. М. М. Дотто).

камень Каустава!¹ Этот Яяти, дитя мое, – самое яркое украшение могучего Лунного рода². Хотя он и воинской касты, он весьма достоин прекрасной руки моей нежной дочери – глубоким знанием Вед, мощью рук и глубоким благочестием завоевал он почтение богов и людей! Прошу, дитя, скажи своей подруге, чтобы она радовалась, ибо я вскоре отправлю своего ученика Капилу к царскому мудрецу и приглашу его прийти сюда и принять ее для замужества.

Пурника. Смиренно благодарю тебя, отец, и прошу меня отпустить.

Шукрачарья. Спокойной ночи, дитя, и будь счастлива!

Пурника уходит.

Я всегда хотел одарить свою дочь достойным мужем, и Судьба, кажется, склонна наградить меня. Дочь, выданная за хорошего супруга, не будет источником печали для ее родителей.

Уходит.

Конец первого действия.

Действие II

Сцена I

Город Пратиштхана, улица³.

Входят два горожанина.

Первый горожанин. Скажи, веришь ли ты этому, почтенный?

Второй горожанин. Верю ли? Говорю тебе, нет никаких сомнений! Его царская милость (благослови его Бог) едва не лишился чувств!

Первый горожанин. Увы! Господин, неужели слава знаменитой Лунной династии померкнет?

Второй горожанин. Что ты! Затмить ли навеки великолепие Владыки Ночи – сиятельного основателя этого могучего дома⁴ –

¹ Этот драгоценный камень, полученный богами у моря, Вишну носил его на своей груди (прим. М. М. Дотто).

² Знаменитая династия царей, ведущая происхождение от Луны (прим. М. М. Дотто).

³ Это была столица древних царей Лунного рода; говорят, она находилась в месте слияния Ямуны и Ганга (прим. М. М. Дотто).

⁴ Луна – основатель царского рода, от которого ведет происхождение Яяти (прим. М. М. Дотто).

завистливому Духу Затмения? Подобно этому злему Сыну Тьмы, вскоре пройдет и это несчастье.

Первый горожанин. Дай-то Бог, чтобы так и случилось! Мы, господин, живем под могущественной защитой этого прославленного рода, словно робкие растения и неприхотливые лианы в тени развесистого царственного дерева. Если огненный удар молнии обрушится на величавую вершину дерева, бедным растениям и беспомощным лианам придется погибнуть вместе с ним.

Второй горожанин. Прошу, оставь эти мрачные мысли.

Первый горожанин. О, если бы я мог, господин! Увы! Принесет ли изобильная мать-Земля золотой урожай, если ясное чело ее супруга-Солнца затмят черные тучи? Когда человек, чьему образу Дочь Красоты поклоняется в своем лотосовом сердце, холодно смотрит на нее, не оставит ли румянец ее нежные щеки, не исчезнет ли свет из ее сияющих глаз? Это обширное царство, господин...

Второй горожанин. Прошу, прекрати. Говорю тебе, наш милостивый повелитель просто – влюблен! Какая-то черноокая девица – дерзкий, вероломный вор! – бесцеремонно отняла царское сердце! Но не падай духом, благороднейший юноша! Любовь подобна дурманящему напитку, она тиранит мозг и сердце поклонника; но, как и вино, она недолго властвует над нами. Стоит лишь опьяненному склонить тяжелую голову на колени супруги и уснуть, – и он проснется другим человеком; и время быстро утолит жар любовной лихорадки.

Первый горожанин. Но возможно ли, господин, чтобы его царская милость мог...

Второй горожанин. Влюбиться? Ха! Ты наивен, как младенец! Говорю тебе: этот огромный многолюдный мир – богатое охотничье угодье Владыки неутомимых охотников – Камы¹. Его цветочные стрелы всегда находят путь в наши уязвимые сердца – и мужчин, и женщин. Ускользнуть от него – нелегкое дело. Его царская милость отправился на охоту в страну асуров. В этой таинственной стране есть прекрасные ведьмы, которые одним только взглядом своих бездонных черных глаз могут околдовать

¹ Бог Любви (прим. М. М. Дотто).

святейшего и суровейшего из отшельников. Но прошу тебя – не расстраивайся. Если аромат какого-нибудь дикого лесного цветка заставит его величество вздыхать о нем, лучезарные цветы, украшающие его собственную беседку, скоро отучат его от этих пустых фантазий; ибо знай, мой друг, нет лучше противоядия, чем сам яд.

Первый горожанин. И правда, почтенный! Но подумай: благородные цари Лунного рода – друзья благословенных богов, а нечестивые асуры – их злые враги; дай-то Бог, чтобы какие-нибудь асуры не одурманили опасными и вредными чарами священную особу царя!

Второй горожанин. Господин, я совершенно не верю в действие вредных чар и всех уловок черного искусства магов; но я свято верю, что в сияющих сферах – глазах прекрасной женщины, и в чашах, полных нектара – ее рубиновых губах, таятся заклинания и чары, способные творить чудеса! Но тише – кто-то идет.

Входит Капила.

Первый горожанин. Наверное, какой-то отшельник пришел просить царской помощи против злых демонов, мешающих ему исполнять священные обряды¹.

Второй горожанин. Отойдем ненадолго.

Отходят.

Капила. Повинуясь своему почтенному господину, мудрецу Шукрачарье, отправился я в город знаменитого царя Яяти, и путь мой лежал через суровые горы, густые темные леса и быстрые реки, прежде чем я достиг его. Святой мудрец со своей семьей ушел в обитель риши Парваты на дивных берегах Годавари², а я пришел сюда, чтобы пригласить царя отправиться со мной и принять в жены из прекрасных рук моего досточтимого хозяина его дочь – Деваяни. Какие великолепные виды открываются моим глазам, когда я смотрю вокруг! Огромные стражи в сияющих доспехах на горячих конях взмахивают блестящими мечами; множество мужчин и женщин в веселых и смелых наря-

¹ Это было одной из обязанностей древних царей – см. «Шакунталу», акт III (прим. М. М. Дотто).

² Годавари – священная для индуистов река; вторая по величине река в Индии.

дах; лавки с богатейшими товарами. Я – житель безлюдных лесов – совершенно смущен! Вздрагиваю, когда слышу пронзительное ржание боевого коня, трепещу от густого рева боевого слона, и даже сладостные звуки музыки кажутся чуждыми моему слуху. Как ошеломительно! Каждое здание кажется мне царским дворцом! В каком же из них живет правитель? Но я не могу предстать перед ним сейчас. Нет. Моим уставшим ногам, к сожалению, недостает отдыха. Ах, где же найти место, где мог бы отдохнуть бедный отшельник, подобный мне? (*Видит горожан.*) Я вижу двух мужчин – манеры их утонченны, и они, похоже, знатного рода. Пойду к ним. (*Горожанам.*) Прошу вас, благородные господа, скажите, где усталый путник может найти себе место для отдыха в этом многолюдном городе?

Первый горожанин. Кого почтенный ищет в нашем городе?

Капила. Я, добрый господин, принес важное послание от известного всему миру наставника могучего племени асуров, мудреца Шукрачарьи, его величеству, великому царю Яяти.

Первый горожанин. Зачем же тогда тебе искать место для отдыха, досточтимый? Вон там ты увидишь дворец нашего благородного царя. Пожалуйста, иди туда и получишь прием, достойный такого святого посланника, как ты.

Капила. Спасибо, добрый незнакомец! Тогда я отправляюсь во дворец.

Уходит.

Первый горожанин. Господин, какое необычное послание принес нашему царю этот жрец асуров?

Второй горожанин. Что до меня, то это загадка, которую я не могу разрешить, господин.

Первый горожанин. Тогда не окажешь ли мне любезность, проводив меня во дворец?

Второй горожанин. Пойдем.

Уходят.

Сцена II

Там же. Дворцовые палаты.

Царь Яяти сидит, Видушака стоит поодаль.

Видушака. Мой господин! Высокий повелитель сейчас столь же неподвижен и нем, как сам золотой Владыка Гор¹!

Царь (*вздыхая*). Добрый друг, если Индра страшным ударом молнии, внушающим ужас, отсек крылья Владыке Гор², то что может сделать бедный, несчастный человек, — только размышлять в безмолвной печали о своих ошибках.

Видушака. Хорошо сказано, клянусь! Но скажи, милостивый, какая подобная Индре болезнь духа или тела заставила тебя так опрометчиво ошибаться?

Царь (*с улыбкой*). Разве ты Дханвантари³ — божественный врач? Зачем ты спрашиваешь о моей болезни? Или ты можешь ее излечить?

Видушака (*складывая ладони*). Неужели милостивый не слышал о том, что даже крошечная мышь может послужить повелителю леса?

Царь (*с грустной улыбкой*). Нет, мой добрый дурень, прочная сеть, которой несчастье опутало меня, может бросить вызов самым острым зубам такой мыши, как ты!

Видушака. Прошу тебя, мой господин, оставим шутки! На этот раз милостивый должен назвать мне причину этой гнетущей тоски. Подумай, мой господин, Процветание будет жить в дворцовых залах, если твоя милость...

Царь (*вздыхает*). Мне все равно; пусть оно уходит.

Видушака. Пусть Небеса отведут от нас столь ужасное бедствие! Разве такие слова приличествуют королевским устам? Милостивый повелитель желает попрощаться с заботами и блеском царственности и уединиться в отшельничестве и молитве, как непреклонный царственный мудрец прошлого Вишвамित्रа⁴?

¹ Гималаи (прим. М. М. Дотто).

² Было время, когда у гор были крылья, но Индра обрубил их ударом молнии (прим. М. М. Дотто).

³ Бог Медицины (прим. М. М. Дотто).

⁴ Вишвамित्रа был королем Лунной династии, но оставил свой трон, чтобы вести жизнь праведника. Исполняя в качестве покаяния чудаеса,

Царь (*вздыхает*). Благодаря пылу своей преданности, царственный Вишвамित्रа стал брахманом. Увы! Не каждому Небеса даруют такую славу!

Видушака. Что-что, мой господин? Милостивый вздыхает о том, что он не брахман...?

Царь (*оживляется*). Мой добрый друг, если бы я был Владыкой Вселенной, и тогда я хотел бы стать пусть даже и наименьшим из этого святого племени!

Видушака. Клянусь, благочестие твоей милости чудовищно выросло за последнее время! Говорят, что в земле асуров никому нет дела ни до богов, ни до брахманов, – проклятые безбожники! Но твоя милость, похоже, нашел в этой стране безбрежный источник благочестия! Пожалуйста, скажите, мой господин, не поссорилась ли ваша милость с мудрецом Шукрачарьей из-за какой-нибудь коровы¹, или лotosовые глаза прекрасной дочери мудреца, Деваяни, опустошили царское сердце? Ха-ха-ха! Скажи мне, милостивый, видел ли ты прекрасную Деваяни?

Царь (*отстраненно*). Боже мой! Увижу ли я вновь это лицо, что ярче, чем осенняя Луна? О, она невероятно красива! (*Вздыхает.*) Увы! ты, любящее сердце, все еще бродишь в том безлюдном лесу, возле глубокой ямы? Тщетно твое бдение! Больше никогда из этих темных глубин не поднимется сияющая Луна, чтобы одарить тебя своими нежными улыбками!

Видушака (*в сторону*). Вот морока! Дьявол бы побрал эту брахманскую дочь! Значит, это она – драгоценная причина всей этой напасти? Болезнь выявлена, но где лекарство? Поможет ли ему Макарадхваджа²? (*Громко.*) Мой господин?

Царь. А! Что ты говоришь?

Видушака. Что я говорю? Я весь обратился в слух и смиренно внемлю царской чепухе!

он был признан брахманом (прим. М. М. Дотто).

¹ Царь Вишвамित्रа поссорился с неким мудрецом из-за удивительной коровы, но, будучи неспособным одолеть своего антагониста-брахмана, стал преданным, а впоследствии – брахманом (прим. М. М. Дотто).

² Бог, на знамени которого изображена рыба – бог Любви. Этим словом также называют пилюли, часто используемые индусскими врачами (прим. М. М. Дотто).

Царь. Что-что? Чепуха? Скажи мне, умоляю, пристало ли темной горной пещере быть ларцом для жемчужины, достойной короны на челе императора? *(Вздыхает.)*

Газель дивноокая (вид ее радует глаз)
В лесу одиноко блуждает, сбившись с пути;
Жемчуг родится в ракушке невзрачной; найти
В копиях бездонных так сложно прекрасный алмаз.
Как часто завистники-гучи скрывают Луну;
Непросто увидеть нежнейшего лотоса цвет –
Порой он таится в прохладном потоке ручья.
Скажи, о Природа, – зачем так устроен весь свет?

Видушака. Ответь, добрый мой господин, неужели богиня Поэзии обрела свой лotosовый трон на царских устах Владыки? Ха-ха-ха! *(Громко смеется.)*

Царь. Замолкни, плут! Что если так?

Видушака. Тогда милостивому придется проститься с царскими владениями. О, повелитель, отбрось великолепную мантию, и надень рибище нищего, а скипетр поменяй на арфу!

Царь. Зачем, дурень?

Видушака. Разве ваша милость не знает, что Поэзия и Удача – непримиримые соперницы? Как могут они жить вместе?¹

Царь. Нет, мой добрый друг, не говори с пренебрежением о поэтах. Они – любимые дети вселенской матери-Природы.

Видушака. Ха-ха! Так поют оборванцы с арфами, мой владыка! Я знаю, что они любимые дети вселенского бога – Живота! Ха-ха!

Царь *(с улыбкой)*. Тогда ты, друг мой, должен быть создателем самой возвышенной рифмы, ведь, сказать честно, я не знаю более любимого ребенка, более благочестивого поклонника этого бога!

Видушака *(кланяется)*. Как царь пожелает. Но скажи, мой господин, где встретился милостивый с прекрасной Деваяни?

Царь. Случай свел нас вместе в глухом лесу.

Видушака. Как удивительно! И что же милостивый сделал?

¹ В оригинале: Лакшми и Сарасвати (прим. М. М. Дотто).

Царь. Что я мог сделать? Когда прекрасная дева рассказала мне свою историю, я оставил ее блуждать в одиночестве, повинуюсь ее нежной воле!

Видушака. Что? Разве пчела, мой господин, улетает прочь при виде цветущего лотоса?

Царь. Правда, мой добрый дурень! Но помни, Деваяни – дочь брахмана. Я подходил к ней нетерпеливыми шагами, словно человек, которого манит тусклый блеск самоцвета, спрятанного в змеиной голове; и бежал назад, как человек, увидевший змею!

Видушака. Повелитель все сделал правильно, мой господин.

Царь. Увы, нет! Я бежал, чтобы спасти свою жизнь, но все же умер! *(Встает.)* Мой добрый друг, какое тяжкое бремя я должен нести! Как долго вулкан может сдерживать разрушительное пламя в своем расколоте и страдающем сердце? *(Вздыхает.)*

Видушака. Умоляю вас, господин мой, не поддавайся отчаянию!

Царь. Дашь ли ты мне надежду? Когда рогатый олень, захваченный жестоким обманщиком – пустынным миражом – устремляется к его ручьям, он спешит к смерти от неистовой жажды! Человеку из воинской варны прекрасная дева-брахманка является, как мираж оленю. Преследование тщетно и ведет лишь к горю и смерти! *(Вздыхает.)* О Боже! За какие грехи мои ты сделал сладостнейшее из творений твоих горем и несчастьем моим? Чем согрешил я, что ты желаешь, чтобы самый прекрасный среди лотосов рос для меня на стебле, усеянном шипами?

Видушака. О, утешься, прошу тебя, добрый мой господин. Если твоя милость доверится мне в этом деле, я вскоре найду наилучшее средство.

Царь. Что ж, делай что хочешь!

Видушака. С позволения твоей милости, я вернусь через мгновение, мой господин!

Уходит.

Царь *(вздыхая)*. Увы, в недобрый час ступил я в проклятую землю асуров! *(Останавливается.)* О, тише, глупый язык! Твои слова оскорбляют глаза мои, ибо они видели в стране асуров самое дивное, самое совершенное из творений Создателя! *(Ходит туда-сюда.)* Я чувствую то же, что и море, когда в его недрах прячутся огни, что бушуют и горят с неукротимой яр-

стью! О ты, Господь Ананга! Ты мстишь, испепеляя нас, бедных смертных, потому что когда-то сам был уничтожен гневом Шивы!¹ Ох! и все же – зачем я вздыхаю? (*Садится*). Постараюсь терпеливо сносить удары судьбы.

Возвращается Видушака с Нати.

Что такое? Что означает это странное видение?

Видушака. Умоляю тебя, мой господин, взгляни на эту прекрасную девуцу. Разве она не тот единственный лотос, что должен расцвести в прозрачном пруду Желания?

Нати. Да будет царь победоносным!

Царь. Спасибо, прекрасная госпожа! (*Видушаке, в сторону.*) Что все это значит, плут?

Видушака (*царю, в сторону*). Пожалуйста, взгляни на нее, добрый мой господин! Разве не способна она заставить твою милость позабыть дочь мудреца?

Царь (*Видушаке, в сторону*). Ты думаешь, что человек, жаждущий испить амриты, останется доволен земным медом?

Видушака (*царю, в сторону*). Благословенные боги пьют амриту, мой господин; но это не повод для нас, смертных, отказываться от земного меда! (*Нати.*) Владыка, госпожа, будет благодарен тебе, если ты споешь ему одну из своих очаровательных песен.

Нати. Повинуюсь Владыке. (*Садится и поет.*)

Песня

Послушай, как триумфа песнь несет герольд коэль²,
Выводит звонко свой мотив небесный менестрель.

И аромат цветов плывет в долинах и лесах –
Веселый ветер всем его приносит на крылах.

Весна, посланница Любви, уж мчится по полям,
Возница – южный бриз – ее спешит доставить к нам.

¹ Бог Любви был уничтожен Шивой – отсюда имя «Ананга», что означает «бестелесный» (прим. М. М. Дотто).

² Коэль (кокил) – птица из семейства кукушковых.

С улыбкой радостной земля и небо – посмотри! –
Ее встречают, и Любовь над миром всем царит!

Лишь дева грустная – увы! – вздыхать обречена,
От Камы ранящей стрелы богами спасена.

Царь. Как мило! Твоя песня, госпожа, пленяет мое сердце...

(*За сценой*). Ах ты, дерзкий, грубый страж! Как ты смеешь? Говорю тебе, я пришел увидеть царя!

Царь. А? Кто это говорит столь громко и властно у царских врат?

Видушака. Должно быть, какой-то набожный отшельник. Послушай-ка мелодию святой глотки!

Входит Страж.

Страж: Да будет царь победоносным! О милосердный владыка, досточтимый риши Капила принес послание от досточтимого мудреца Шукрачарьи. Он вверяет его царской милости и желает...

Царь (*встает*). Что? Что ты сказал? (*Отрешенно.*) Капила, мудрец Шукрачарья... (*Громко.*) Где же святой гость? Веди нас к нему!

Царь и Страж уходят.

Нати. Умоляю вас, господин, скажите: отчего Владыка так взволнован?

Видушака. Ах, милая госпожа! Какая пчела не будет взволнована при виде твоей цветущей красоты?

Нати. Ха-ха! Хорошо сказано, о божественный мудрец! А потом при виде цветущей красоты твоя пчела улетает прочь! Ха-ха! Давай пойдем и посмотрим, куда ушел повелитель.

Видушака. О, красавица, ты – как магнит, а я – жалкий кусок железа, и потому стремлюсь прильнуть к тебе! (*Берет Нати за руку.*) Смотри-ка! Боги спрятали рубиновую чашу своего вкуснейшего нектара в твоих губах! Умоляю тебя, сделай меня бессмертным – поцелуй!

Нати (*в сторону*). Целуйся ты с тем бешеным быком-брахманом! (*Громко.*) Уйди прочь, негодник!

Убегает.

Видушака. Будь проклята твоя дерзость, шлюха! Я вижу, ты знаешь, что такое туго набитый кошелек, но ты не можешь оценить благородное остроумие! Пойду за ней.

Уходит.

Сцена III

Там же. Около дворцовых врат.

Стоят несколько горожан.

Первый горожанин. О, как славно! Прошу тебя, господин, посмотри!

Второй горожанин. Я вижу, но огромные столбы пыли поднимаются к небу, а этот вор Время не пощадил света, который некогда сиял в моих бедных глазах! Увы! он украл большую его часть.

Первый горожанин. Посмотри на этих гигантских слонов и их наездников, господин! Ха! Это облака движутся в боевом порядке или недвижные горы вновь обрели свои золотые крылья? Смотри, какие красивые боевые скакуны, ярко украшенные, следуют за ними! А взгляни на эти колесницы, чьи знамена развеваются на ветру! Как чудесно! Доспехи воинов блестят на солнце так, что кажется, будто они извергают пламя! Послушай радостные взлеты музыки, и взгляни, какие прекрасноликие и изящные девушки разбрасывают свежие цветы. (*За сценой звучит музыка.*) Идет наш благородный царь, окруженный юными спутниками! Кажется, что сам Вишну едет в своей орлиной повозке¹ на свадьбу с лотосоокой дочерью Океана!²

Второй горожанин. Ты говоришь правду, мой друг! Разве царь Яяти не заслуживает имени Вишну, потому что он лучший из людей!³ Я слышал, что дочь мудреца Шукрачарьи так же прекрасна, как сама рожденная Океаном богиня. Дай-то Бог, чтобы

¹ Речь идет о вахане – ездовом животном богов индуистского пантеона. Ваханой Вишну является царь-птица Гаруда.

² Богиня Лакшми (прим. М. М. Дотто).

³ «Лучший из людей» – одно из имен бога Вишну (прим. М. М. Дотто).

союз нашего юного повелителя с такой милой госпожой был источником радости и счастья для людей!

Третий горожанин. Господин, брачный обряд должен быть исполнен в стране асуров?

Второй горожанин. Нет. Святой мудрец со своей прекрасной дочерью сейчас живет у риши Парваты, на зеленых берегах неспешной Годавари.

Третий горожанин. Хорошо. Эти проклятые асуры – злейшие враги благословенных богов, и они должны ненавидеть храбрых царей нашего прославленного народа, друзей Бессмертных. Присутствие царя на их гнусной земле привело бы к стычкам, а может быть, и кровопролитию.

Второй горожанин. Правда. Но кто это идет?

Входит Министр.

Это министр нашего Владыки?

Третий горожанин. Да, это он.

Министр. О-хо-хо! Сегодня Ананта возложил на мои плечи всю огромную Землю!¹ Какое тяжелое бремя!

Первый горожанин. Не соблаговолит ли министр сказать нам, как долго его милость намерен пребывать вне своего царства?

Министр. Я слышал, что земли, где течет Годавари – прекрасные, с низкими холмами, густыми вековыми лесами, с бесчисленными святыми местами; наш благородный царь любит охоту, а присутствие прекрасной царицы добавит нового очарования красоте природы, и это, по всей вероятности, продлит его странствия.

Второй горожанин. Тем более вероятно, что разум его величества должен быть совершенно свободен от тревожных мыслей о своем царстве, так как его безопасность находится в таких искусных руках!

Министр (*кланяется*). Ты мне льстишь, добрый горожанин! Но отсутствие Индры бросает мрачную тень на веселый град Бессмертных. Может ли множество звезд пролить на землю такой же сияющий поток, как Луна? Кто же сможет повелевать

¹ Гигантский змей, в одном из капюшонов которого покоится Земля (прим. М. М. Дотто).

небесной армией с таким же достоинством и грацией, как сам Кумара?¹

Второй горожанин. Правда, благородный господин! Но твоя милость – достойный наместник столь славного повелителя. (*Прислушивается.*) Я больше не слышу музыки. Царская процессия оставила нас далеко позади. Пойдем и мы.

Министр. Как пожелаешь, добрый горожанин!

Уходят.

Конец второго действия.

Действие III

Сцена I

Там же. Перед дворцом.

Входит Министр.

Министр. Возвращение Владыки в свое царство из лесной обители мудрецов стало источником безграничной радости его преданных и любящих подданных. Как Земля встречает своего славного супруга Солнце (когда он появляется на золотом точном холме), облаченная в мантию света и увенчанная короной из свежих цветов, этот многолюдный город, который так долго оплакивал отсутствие своего милостивого юного владыки, сегодня радуется от всего сердца. (*За сценой звучит музыка.*) Слушайте звуки веселья и радости! Весь город сегодня выглядит весело и празднично – да и может ли быть иначе? Царь Яяти – ярчайшее из украшений этого высокого величественного дворца, а его прекрасная царица, дочь мудреца Шукрачарьи, – самая милая женщина на земле! Когда мой взгляд падает на нее, мне кажется, будто я вижу Лакшми – очаровательную дочь первозданной Красоты. Она так мила, исполнена изящества, и вместе с тем так величественна и царственна. И наш благородный повелитель достоин такой супруги. Ах, разве низкий чандала пьет божественную амриту?² Кто осмелится добиться и завоевать сияющую Рохини, кроме великолепного повелителя Ночи – вос-

¹ Кумара – главнокомандующий армии богов (прим. М. М. Дотто).

² Напиток бессмертия. «Чандала» означает «пария» (прим. М. М. Дотто).

торга всех глаз? Изящный лебедь гнушается сайвалы¹ и ищет лотосовые заросли! Его милость вернулся в свое царство после восемнадцати месяцев отсутствия, а наша милая царица родила ему прекрасного мальчика! Царское дитя назвали Яду. Как он красив! Кажется, что священное пламя, вскормленное в чреве высокой Акации², вспыхнуло, чтобы осветить мир небесным сиянием! Да будет он, как его царственный отец, славой своего рода! Возвращение повелителя сняло с моих бедных плеч сокрушающую тяжесть могущественного царства, и наконец я могу немного отдохнуть. Пойду-ка я во дворец и посмотрю, как идут приготовления к празднику.

Уходит.

Входит Видушака со сладостями в руке.

Видушака. Я знаю, что воровать, ограбить честного человека – грех; но помилуйте, разве в шастрах³ сказано, что нельзя украсть уже украденное, ограбить самого вероломного вора? Толстый дворецкий стянул эти сладости с царского стола, чтобы насладиться ими на досуге – жадный раб! Я тихо опустошил его тайник! О, какой я славный мошенник! Согрешил ли я? Если да, то вот, здесь я назначу себе наилучшее покаяние. Иди, раскаявшийся вор, принеси пищу святому брахману, ибо это благочестивое дело, которое, конечно, будет свидетельствовать в твою пользу перед Читрагуптой⁴! (*Обращается к самому себе.*) Умоляю тебя, благороднейший брахман⁵, прими эти скромные подношения от того, кто горько раскаивается в своих грехах! Что же ты хочешь предложить мне? Немного лакомств, если достойный соизволит. Не желаешь ли ты попробовать их? Да, я буду (*Садится и ест.*) Ты ублаготворил мой вкус, добрый кающийся! (*Встает.*) Чего же ты хочешь? Умоляю тебя, если я согрешил, украв эти сладости, пусть мой грех будет прощен! Я

¹ «Сайвала (валлиснерия) – водное растение, которое распространяется в прудах, переплетаясь с лотосом». – Уильямс (прим. М. М. Дотто).

² Огонь был передан этому дереву богиней Парвати (прим. М. М. Дотто).

³ Шастры – священные тексты индуизма.

⁴ Читрагупта – сын Брахмы, ведущий счет праведным делам и грехам людей в царстве Ямы (бога смерти).

⁵ Нужно помнить, что Видушака – брахман (прим. М. М. Дотто).

прощаю тебя, ты свободен! Вот! я безгрешный человек! Ха-ха-ха! Как это славно – родиться брахманом! Ха-ха-ха! Но довольно. Я полтора года бродил с нашим безумным царем в диких южных краях; я видел широкие и быстрые реки, но, мать Ямуна, ты – благороднейшая из всех! Я целую лotosовые стопы твоей сестры Ганги, но пред тобой преклоняюсь! Когда я погружаюсь в твои прозрачные воды, о, как они обостряют... мой аппетит! Однако пора идти к моему царственному другу. Милостивая царица послала меня посмотреть, что делает маленький царевич. По пути в царские ясли я нашел сладости! Нищий бродяга, верный своей склонности, порой видит святой Бенарес¹! Ха-ха!

Уходит.

Сцена II

Там же. Дворцовые палаты.

Сидят царь Яяти и царица Деваyani.

Царица. Мой дорогой господин, прошу твою милость – ибо эти любящие уши всегда с неувядающим восторгом слушают сладкую сказку – рассказать мне еще раз обо всем, что случилось с тобой, когда мы расстались у той глубокой ямы.

Царь. Моя нежная радость, я бежал от тебя торопливыми, но неохотными шагами человека, узревшего чудесное небесное видение, из-за чего его смертные глаза не могут остаться невредимы. Я бежал, но как же я жаждал вернуться в этот уединенный лесной приют! Я погружался в мрачные глубины леса, но увы! Еще более глубокий мрак проникал в мою душу! Я бродил, не ведая пути, пока, наконец, усталый и безутешный, не сел под деревом. В тот же миг предо мной появилась лань. Я схватил свой лук – ведь привычка часто восстает против независимой воли разума – и уже приготовился пустить в нее смертельную стрелу, как вдруг это беспечное существо посмотрело на меня своими влажными глазами, и лук со стрелами выпал из моих обессиленных рук, ибо в этих глазах я видел тот же мягкий свет, что сиял в твоих!

¹ Бенарес (совр. Варанаси) – священный для индуистов город на берегах Ганга.

Царица (*берет царя за руку*). О, мой сладостный владыка! Разве я не счастливейшая из женщин? А потом?

Царь. Спасибо, дорогая! Я блуждал, ни на что не обращая внимания, пока внезапно не услышал мягкий сладкий голос кокила. Я последовал за ним, ибо мне казалось, будто это ты зовешь меня к себе!

Царица. Нежный властелин моего сердца! Если бы моя душа тогда вселилась в тело того мелодичного кокила, она сказала бы громко и ясно: «Возвратись, благородный царь Яяти, к черной яме, ибо – смотри! – дочь мудреца вздыхает и жаждет твоего возвращения!

Царь. Моя милостивая любовь, если бы таинственная страница в книге Судьбы открылась бы мне, я тотчас бы устремился искать тебя. Но тогда я не знал, что в счастливый час я вступил в страну асуров...

Входит Видушака.

А, святой брахман, что нового?

Видушака. Если угодно вашей милости; я побывал у царевича, благородного сына великого царя. Да благословит Господь нашу милостивую царицу и продлит ее дни! Царевич красив и сиятелен, как солнце, выходящее из золотых врат Востока! Да и как может быть иначе! Взгляните! Он, чей отец... (*замолкает*). Клянусь честью, мошенник-стих покинул меня без лишних церемоний!

Царь. Замолкни, плут! Что может помнить такой жадный мошенник, как ты, кроме названий изысканных яств!

Царица (*Видушаке*). Скажи, пожалуйста, почтенный, проснулся ли мой сладкий Яду¹? (*Царю*.) Не соблаговолит ли милостивый повелитель разрешить мне покинуть тебя, мой господин?

Уходит.

Видушака. Удивляюсь, мой господин, неужели не существует того, чего Владыка не мог бы добиться?

Царь. Что ты имеешь в виду?

Видушака. Владыка завоевал даже прекрасную дочь брахмана. Клянусь честью, милостивый повелитель лишил землю асуров ярчайшей жемчужины!

¹ Старший сын Яяти.

Царь. Нет, добрый мой друг, страна асуров удивительно богата такими жемчужинами, ручаюсь тебе.

Видушака. Не могу поверить в это, мой господин!

Царь. Разве ты не видел прекрасных наперсниц царицы?

Видушака. Не всех, мой господин!

Царь. Среди них есть одна, чью красоту, как мне кажется, не всякий художник сможет отобразить.

Видушака. Владыка видел этот образец красоты, мой господин?

Царь. Как полуночный странник, что в пасмурную погоду видит ненадолго яркую луну, но потом вновь теряет ее из виду за бесконечной флотилией крылатых облаков, плывущих по небу.

Видушака. Удивительно!

(*За сценой.*) Спасите меня, спасите или я погибну!

Царь. Тише! Мне кажется, я слышу голос страждущего.

(*За сценой.*) Спасите меня, о, спасите меня! О! Я бедный брахман!

Царь. Что? Кто так громко кричит у ворот? Прошу тебя, посмотри, – и скорее!

Видушака. Прошу прощения твоей милости.

Царь (*со злостью*). Что такое? Отчего ты стоишь как недвижимая статуя? Или страх приковал твои ноги к полу?

Видушака (*колеблется*). Нет, добрый мой господин, это не страх. Если твоей царской милости, названному другу бессмертных богов, угодно, я скажу, что он женат на дочери наставника асуров. Быть может, это вызвало ужасающую ярость какого-нибудь злого асура, и он пришел сюда, чтобы отомстить!

Царь. Умолкни, трусливый дурак! Я должен сам пойти и раскрыть эту тайну!

Видушака. Нет, умоляю твою милость, не выходи туда. Если судьбе угодно, позволь погибнуть мне!

Уходит.

Царь (*встает*). Этот брахман умен, но сердце у него, боюсь, даже более робкое, чем у женщины. Но хватит о том. Не знаю почему, но образ той прекрасной девушки из свиты ее величества преследует меня словно грустный, но сладостный призрак, как воспоминание о прошлой радости, печальное эхо музыки, услышанной когда-то давно! (*Думает.*) Ах, я вспомнил – я встретил ее в роще, окружающей обитель мудреца Парваты, на

берегах Голавари. Был вечер, и бог тысячи лучей исчезал за западными холмами. Дева сидела в тени величественного дерева, а вокруг нее были рассыпаны самые свежие цветы. Мне подумалось, что боги, очарованные ее красотой, пролили цветочный дождь! О, это было волшебное зрелище – одинокая роща и прекрасная дева в ней, цветущая, словно царица цветов; ее нежная головка покоилась в печальной задумчивости на ладони, красивой и мягкой, как лепесток лотоса. Я вошел в рощу, но шаги мои встревожили ее, и, когда ее глаза встретились с моими, она вздрогнула и убежала, словно лань от охотника. Позже я узнал, что то была Шармиштха, дочь царя асуров.

Входят Видушака с Брахманом.

Брахман: Спаси меня, могучий Владыка, о, спаси меня! Нечестивые воры незаконно проникли в мой дом!

Царь. Что? Кто посмел нарушить святость брахманского жилища в моем царстве? (*Видушаке.*) Прошу тебя, дай мне мой лук и колчан со стрелами!

Видушака. Мой господин, не желает ли твоя милость повелеть мне отвести этого человека к начальнику стражи?

Царь (со злостью). Ты смеешь не подчиняться нашим приказам, плут?

Видушака. Никак нет! (*Убегает.*)

Брахман: Увы! Увы! Я пропащий человек!

Царь. Прошу тебя, господин, успокойся!

Возвращается Видушака с оружием.

Вот, я вооружился, чтобы наказать тех дерзких и незаконных воров! Следуй за мной.

Царь и брахман уходят.

Видушака. Теперь, когда его гнев разгорелся, подлым ворам лучше поостеречься. Муравей получает крылья лишь затем, чтобы лететь к гибели! Я должен найти начальника стражи.

Уходит.

Сцена III

Там же. Сад, прилегающий к дворцу.

Входят Вакасура и Шармиштха.

Вакасура. И ты хочешь, чтобы эти вести дошли до твоей царственной скорбящей матери? Тебе было бы грустно услышать, а

мой язык устал бы рассказывать тебе печальную историю ее страданий! Милое дитя, лишь твое присутствие способно погасить жестокое пламя, которым ежечасно охвачено ее любящее сердце!

Шармиштха. Если мои слезы, господин, могут погасить это жестокое пламя, то никогда, о, никогда мои глаза не перестанут их проливать! Но умоляю тебя – не уговаривай меня вернуться в страну асуров! *(Плачет.)*

Вакасура. О нежная дева, мольбы и уговоры твоего царственно-го отца наконец смягчили сердце мудреца, и он раскаивается в том, что был так жесток к тебе. Прошу тебя, позволь мне встретиться с царицей Деваяни. Я думаю, что ее милость не останется безучастной к повелениям своего почтенного родителя. О, тысячи вздохов по тебе ежедневно слышны в городе асуров!

Шармиштха. О, мой господин, оставь эти мысли, или ты утришь меня мертвой у ваших ног! *(Плачет.)*

Вакасура. Какова тогда твоя воля?

Шармиштха. Вернись, мой господин, в лоно своей страны, к своим друзьям, и возложи мою скромную просьбу – увы, такую краткую! – к ногам моих милостивых любящих родителей: чтобы они навеки забыли свою несчастную и злополучную дочь! *(Плачет.)*

Вакасура. Моя царица! Чей язык осмелится ранить твоих царственных родителей столь жестокими словами? Разве тебе не известно, что ты – единственный лотос, что наполняет красотой течение их дум, единственная звезда, что радует золотыми лучами небеса их надежд?

Шармиштха. Разве нет родителей, мой господин, что видят прекраснейшие цветы в приюте Любви, сорванные и раздавленные безжалостной рукой Смерти? Разве Время не успокаивает и не лечит их печали?

Вакасура. Неужели ты никогда не увидишь свою страну, милые пейзажи своего детства? О, может ли быть, чтобы тебе пришлось забыть нежную любовь твоих царственных родителей?

Шармиштха *(плача).* Ты ошибаешься, мой господин! Я украсила храм своего сердца милыми образами моих любимых родителей, и в нем я поклоняюсь им денно и ночью, наяву и во сне!

Но я коленопреклоненно прошу твою милость: не убеждай меня, я больше никогда не вернусь в страну асуров! *(Плачет.)*

Вакасура. Прошу тебя, царственная дева, тогда позволь мне уйти! *(После паузы.)* Ты плачешь, дитя мое! О, прошу тебя, утешься на мгновение и подумай. Благородный властитель этого царства, когда услышит твою историю, несомненно, отправит тебя обратно с почестями, подобающими твоему высокому рождению, в тоскующие руки твоих скорбящих родителей.

Шармиштха *(в сторону)*. Увы! бедное сердце, ты напрасно пытаешься изо всех сил вернуть себе свободу, подобно пойманной птице в сети птицелова. *(Громко.)* Пожалуйста, мой господин, не уговаривай меня больше!

Вакасура *(вздыхает)*. Тогда мне незачем больше оставаться в этом далеком царстве. Вверяю тебя, мое милое дитя, в святые руки Бога отцов твоих! Прощай, и будь счастлива!

Уходит.

Шармиштха. Ах! Бушующие волны темного моря отчаяния несут удары моему хрупкому кораблю; есть ли тот, кто направит меня в тихое лоно спасительного пристанища? *(Плачет.)* Это горькие плоды моей собственной глупости – должна ли я жаловаться, когда пришла пора их вкусить? В моей стране злое высокомерие принесло мне цепи рабства; и все же, в этом рабстве, дни мои текли спокойно, и сладкое дыхание довольства изгоняло из моей души надвигающиеся тучи скорби. Но что случилось с тобой, о любящее сердце? Ты влюблено в Яяти – ты, сброшенное наземь с возвышенного золотого пьедестала, на котором прежде стояло? И все же, кто не простил бы тебе столь безумного идолопоклонства? Кто может смотреть на это чело и не преклонять колен в смиренном поклонении? Может ли лотос оставаться не раскрытым, когда яркое солнце появляется на Востоке? *(Вздыхает и садится под деревом.)* Увы! одна лишь смерть может излечить израненную грудь!

Входит царь.

Царь. Как давно я не был в этом чарующем месте! Я слышал, что здесь живут девушки царицы. Воистину, нет более прекрасного сада для таких изысканных цветов! Яростные лучи Солнца в это время жгут робкую землю, словно испепеляющий гнев какого-то оскорбленного бога; но здесь, в этой одинокой роще, ка-

жется, нежный Дух Уединения обрел свой дом, и безмолвная молитва этой рощи, журчание серебряного источника, нежные и печальные песни птиц в укрытых листьями гнездах, – всё просит о милости, и просит не напрасно. Жемчужные капли росы, которыми Утро обвило цветы, все еще ярко блестят, и прохладный ночной ветер еще вздыхает меж листьев, будто не желая покидать полюбившееся место. (*Садится на каменное сиденье.*) Нечестивые и незаконные грабители сражались отважно, но мои крылатые стрелы выпили всю их кровь.

(*Звук лютни за сценой.*) О, как прелестно! Наверное, какая-то веселая девушка настраивает свою волшебную лютню, чтобы скоротать знойные часы со своими прекрасными подругами. Подойду, чтобы упиться гармонией ее голоса! (*За сценой.*)

Песня

О, остерегайся, стройная дева, ибо – посмотри! – грядет враг твой в колеснице со знаменем, на котором грациозно плывет рыба, восседающий на цветущем лотосе! Его скакунами правит нежный Южный ветер; птицы, его глашатаи, трубят призыв к жестокой войне; послушай, с каким громким звуком изгибается его цветочный лук! О, когда он целит в тебя острыми стрелами, кто защитит твою нежную грудь?

Царь. Восхитительно! Я и не знал, что среди девушек царицы есть такая чудесная певица! Что это? Как дрожит правая рука! Какой же достойный плод смогу пожать я здесь? Но пути Судьбы неисповедимы¹.

Шармиштха (*встает*). Увы! Ты – несчастная дева, что стремишься разбить оковы, которые твои же собственные руки выковали для твоих же ног! Но способна ли запертая птица сломать решетки своей тюрьмы? О, любящие родители, о, милые друзья детства и ты, гордая земля моих отцов – неужели глаза мои не увидят вас впредь? (*Плачет.*)

Царь. Ее неспешное пение больше не плывет в затихшем воздухе – сокрытый в листьях кокил исчез! (*Видит Шармиштху.*) Но тише! Не небесную ли нимфу я вижу, покинувшую свое неземное убежище, чтобы побыть в одиночестве в этом полуден-

¹ «Ощущение мелкой дрожи в правой руке предвещало союз с прекрасной женщиной». – Уильямс (прим. М. М. Дотто).

ном приюте, или же это дочь Земли с немеркнущим светом Небес в глазах и их сияющей славой на девственном челе? Тихо! Похоже, она что-то говорит! Спрячусь за деревом и послушаю чарующую мелодию ее голоса! (*Прячется.*)

Шармиштха. О, что может заставить женское сердце восстать против того, кого оно избрало? Вот золотая лиана, что так нежно обвивает величественное дерево ашока¹. Думает ли она о том, где была во младенчестве, или о том, чья рука пересадила ее сюда? Попроси ее отринуть грудь возлюбленного – разве она скорее не погибнет, чем забудет нежные обеты верности? Так, подобно ей, и я должна жить и умереть, пусть я и цепляюсь за тень! Ради тебя, о Яяти, по воле своей стала я сиротой и изгнанницей, оставив радости этого мира в солнечном утре жизни! (*Плачет.*)

Царь. Неужели я сплю? Как странно! Это Шармиштха, прекрасная дочь могущественного владыки асуров! Но она любит меня? О, чего бы я ни отдал за то, чтобы завоевать этот бесценный самоцвет! Ах, вот отчего дрожала моя правая рука, когда я входил в сад? (*Выходит и обращается к Шармиштхе.*) Скажи мне, о милая госпожа, неужели твоего Мадану вновь испепелила жестокая ярость Шивы, что ты покинула Небеса и ищешь уединения, дабы оплакать свою потерю?²

Шармиштха (*в сторону*). Что? Его царская милость, один, здесь, в такой час?

Царь. Если ты, о прекрасная богиня, не та, чья восхитительная красота очаровывает самого Чародея сердец, то прошу тебя, скажи мне – кто ты?

Шармиштха (*в сторону*). О, тише, любящее сердце! Отчего ты бьешься так сильно? Как нежны слова, что льются с его прекрасных уст!

Царь. Ах! Чем я обидел тебя, нежная госпожа, что ты лишаешь меня счастья слушать мелодию твоего голоса?

Шармиштха (*заламывая руки*). Владыка, я смиренная рабыня, и не заслуживаю такой снисходительной вежливости.

¹ Дерево из семейства бобовых. Символ любви.

² Рати, жена Маданы (бога Любви). Напомним, что этот бог был обращен в пепел Шивой (прим. М. М. Дотто).

Царь. Какой язык посмеет назвать рабыней прекраснейшую царскую дочь! Прошу тебя, милая царевна, позволь мне предложить тебе руку и сердце!¹

Шармиштха. Прошу твоего прощения, господин мой! О! Я всего лишь рабыня, и вам будет непросто шутить с этим. (*Плачет.*)

Царь. Я умоляю тебя, прекраснейшая госпожа, будь моей!

Шармиштха. О, прости меня, мой властитель: Повелитель Ночи не обнимает других цветов, кроме царственной кумудини!

Царь (*улыбается*). И разве царственная кумудини увядает на своем хрустальном троне, когда ее пылкий любовник, Луна, омывает ее своим серебряным светом и ухаживает за ней, чтобы раскрыть ее красоту? (*Берет ее за руку.*) С того дня, как глаза мои впервые увидели твой волшебный облик в одинокой роще на зеленых берегах Годавари, дивный твой образ жил в этом сердце! Умоляю, о нежная дева, поверь, что не случайность привела тебя сюда!

Входит Девика.

Девика. Благородный Вакасура не желает покинуть этот город, не увидев еще раз царевну, свою двоюродную сестру, и он крайне опечален ее решимостью не возвращаться вместе с ним в наше родное отечество. Странно! Со времени свадьбы Деваяни царевна необъяснимо изменилась: стала задумчивой, тревожной и молчаливой, и я боюсь, что она скрывает свои мысли в глубине сердца, как лотос скрывает свой аромат в темные часы ночи. О, быть может, темная зависть нашла свой дом в сердце, когда-то столь чистом, полном щедрых побуждений и девичьих фантазий! (*Видит царя и Шармиштху.*) А? Это Владыка говорит о любви с моей нежной подругой? Какое славное зрелище! Кажется, словно ясное Солнце спустилось на землю из своей золотой колесницы, чтобы обнять чудесный царственный цветок, столь нежно им любимый!²

¹ Автора «Шармиштхи» обвиняли в том, что стиль ухаживаний царя слишком резок, однако он хотел изобразить манеры эпохи, в которую, как говорят, процветал Яяти, в том виде, как они описаны в «Махабхарате» и прочих старых книгах (прим. М. М. Дотто).

² Лотос (прим. М. М. Дотто).

Шармиштха. Мой милостивый Владыка! Подобно несчастной лани, что отбилась от стада, мчится к какой-то высокой горе и робким взглядом безмолвно просит убежища, так и я лечу к твоей милости! Я, мой господин, сирота сердца и дитя скорби! *(Плачет.)*

Царь *(утирает ей глаза)*. Так пусть же гром Индры сокрушит во прах ту великую гору и не даст убежища, которого ты ищешь, ясноглазая странница! О, не плачь, нежнейшая из дев, не для слез печали были созданы эти ласковые глаза! *(Увидев Девиду, говорит Шармиштхе.)* Кто эта прекрасная дева?

Шармиштха. Это моя дорогая подруга, Владыка, и спутница в изгнании; ее имя – Девика.

Девика *(выступает вперед)*. Да будет царь победоносен!

Царь *(Девике)*. Спасибо, прекрасная госпожа. Смотри, сегодня я завоевал драгоценнейшую жемчужину!

Девика. Это действительно жемчужина, достойная украсить царскую корону, мой господин!

Шармиштха. Что случилось, моя нежная подруга?

Девика. Его милость Вакасура просит тебя перед отъездом позволить ему снова повидаться с тобой.

Царь. Какой Вакасура?

Шармиштха. Царевич Вакасура, владыка, мой благороднейший двоюродный брат.

Царь. Я слышал о нем сотни раз, милейшая, и о его доблести разносится слава. Мы не опозорим наш город, не оказав такому уважаемому гостю почестей, что подобают по обычаям гостеприимства! Пойдем же и поприветствуем его!

Уходят.

Входит Видушака.

Видушака *(осматривается)*. Это сад, вокруг которого живут девушки царицы; но где же царь? Тогда зачем этот сын раба, дворцовый страж, послал меня с дурацким поручением? Будь проклята его наглость, лживый негодяй! Уф! Разве эти люди из воинской варны не безумны? Я думаю, что певцы, называя их «тиграми среди людей», не преувеличивают и не зря называют их этим сравнением! Неужели это подходящее время для человека, чтобы разгуливать за пределами дворца? Я бедный брахман и никогда не жил в роскоши, однако взгляни-ка на меня сей-

час! По моему телу стекает столько рек и ручьев, словно с Гималаев – царя гор! (*Кладет руку на голову.*) А? Разве я Шива? Отчего же тогда священная Мандакини¹ поселилась на моей голове?² Поскольку снаружи было слышно, что царь отправился один, дабы наказать дикую стаю бесчинствующих воров, весь город в замешательстве, а солдаты бегают туда-сюда, как собаки, потерявшие след. О, кто бы захотел прыгать в ручей, если бы мог с безграничной легкостью ловить рыбу с берега? (Замолкает ненадолго.) Правда, чистая правда! Женщины, живущие возле этого сада – дочери асуров и чародеек, а я слышал, что своими гнусными чарами они часто превращают мужчин в козлов! Боже милостивый! И если мужественная красота нашего государя соблазнила одну из этих ведьм напустить на него свои низкие чары – что тогда? (*Кажется задумчивым.*) По моему разумению, это место небезопасно для таких, как я, пусть, клянусь вам, я не слишком пуглив, хоть и не так наделен талантами, как его милость! Что, если одна из этих ведьм положила на меня глаз? Я бы предпочел на сотни лет отказаться от женской компании, чем превратиться в козла! Ваши цари и царевичи могут преуспеть в подобных вещах, а я всего лишь бедный брахман! Нет, нет, это совсем не вяжется с моим чувством юмора. Надо спастись, пока не поздно!

*Убегает прочь.
Конец третьего действия.*

Действие IV

Сцена I

Там же. Палата во дворце.

Входят Царь и Видушака.

Видушака. Скажи, мой господин, почему твоя милость выглядит сегодня таким печальным?

Царь. Увы! Все пропало!

Видушака. Как, мой господин? О чем ты говоришь?

Царь (*смотрит вверх*). Как мореплаватель с тревогой вглядывается в далекие небеса, чтобы вдруг увидеть яркую звезду, кото-

¹ Одно из названий Ганга.

² Говорят, что река Ганг течет на голове Шивы (прим. М. М. Дотто).

рая поведет его одинокий корабль сквозь неведомое темное море, так и я ищу луч нежного милосердия свыше!

Видушака (*в сторону*). А? Обычная беда не может вызвать такого крика страдания из сердца льва! (*Громко.*) Мой господин, почему милостивый выглядит сегодня таким печальным?

Царь. Мой союз с милой Шармиштхой больше не секрет для царицы!

Видушака. Что, мой господин? Как же ее милость смогла раскрыть такую тайну?

Царь. Увы, когда судьба хмурится, всегда так происходит! Царица сегодня вечером позвала меня в сад, принадлежащий ее наперсникам, и я неохотно уступил ее уговорам. О, какие тревожные черные мысли о грядущей беде наполняли мое сердце, когда мы приближались к дому, в котором живет царевна со своими служанками!

Видушака. И что потом, мой господин?

Царь. Трое милых детей¹ Шармиштки с радостью побежали ко мне, но, увидев царицу, остановились, будто смущенные ее присутствием².

Видушака. Продолжай, прошу тебя, мой господин!

Царь. Царица любезно сказала: «Подойдите ближе, милые. Чего вы боитесь?». А младший из сыновей, Пуру, нахмурился и сказал: «Боимся? Мы, госпожа, ничего не боимся! Но кто ты, и почему опираешься на руку нашего отца? Ты не можешь быть нашей матерью, потому что не целуешь и не ласкаешь нас!»

Видушака. Какой ужас!

Царь. О, как бы я хотел, чтобы земля разверзла свое чрево и поглотила меня!

Видушака. Что же сказала царица, мой господин?

Царь (*вдыхает*). Не могу тебе описать ту бурную сцену, что последовала за столь неподобающей прелюдией. Я чувствовал себя безумцем, но, помня о происхождении царицы, молча слушал ее горькие упреки.

Видушака. Твоя милость сделал все правильно. Я думаю, царица вскоре забудет свой гнев.

¹ Друхья, Ану и Пуру.

² Ади-парва. Гл. 78, 11–18.

Царь. Увы, ты не знаешь ее. Она самая гордая и чувствительная из женщин.

Видушака. Это правда, мой господин! Но как долго может любящая жена хранить в сердце обиду на своего мужа? И чем сильнее буря, тем быстрее ее ярость истощается, чтобы безжизненно иссякнуть в лоне покоя. Пожалуйста, отринь свои страхи, мой господин!

Царь. Ты думаешь, я боюсь царицу? Разве может рогатый лесной царь бояться ясноглазой лани? Как может нежная рука, которая едва ли смогла бы натянуть цветочный лук бога Любви, внушить мужчине ужас? Говорю тебе, не царицы боюсь я, но ее отца! Если рассказ об ее обидах сумеет зажечь пламя гнева в его груди, а грустные вздохи – его раздуть, о, как смогу я избежать гибели! Ты ведь знаешь, что даже бессмертные боги боятся гнева этого мудреца, самого вспыльчивого и неумолимого из всех риши! *(Вздыхает.)* Увы, в недобрый час встретил я дочь царя асуров! *(Замолкает ненадолго.)* Тише, неблагодарное сердце! Пусть же весь мир позорит твою трусость! Как смеешь ты роптать против той, чье нежное лоно было для меня вершиной радости! Погибни, неблагодарное, ты достойно такой гибели!

Видушака. Прошу тебя, мой господин, отправимся немедля в покои царицы. Ее нежное сердце, ручаюсь, растает при виде твоих страданий!

Царь. Царица покинула город со своей наперсницей Пурникой.

Видушака *(испуганно)*. О чем ты говорите, милостивый! Боже милосердный! Разве пришло время для пустых сожалений, мой господин? Если царица встретится с отцом в ее нынешнем расположении духа, то худшие опасения твоей милости могут стать явью!

Царь *(вздыхая)*. Да, но...

Видушака. Отправь всадников на самых быстрых скакунах, чтобы они догнали ее и умоляли, садись в колесницу и мчись за ней сам! Позволь мне уйти, мой господин, чтобы не задерживать тебя! Сейчас не время для пустых сожалений!

Уходят.

Сцена II

Там же. Чоултри¹ в небольшом отдалении от города.

Входят Шукрачарья и Капила.

Шукрачарья. Как красиво! О! Капила! Этот город, чьи воздушные башни и зубчатые стены заливают золотым светом заходящее Солнце – и есть столица могущественных царей Лунной династии, сокрушителей врагов?

Капила. Да, отец.

Шукрачарья. Славно! Словно божественный архитектор² создал эти великолепные дворцы, эти грозные замки, высокие стены и широкие врата, чтобы посрамить Алаку³, нет, и даже сам Амаравати⁴ – города блаженствующих богов!

Капила. Этот город, отец, достоин своего прославленного правителя, не имеющего равных среди сынов человеческих в знании Вед, благочестии и могуществе!

Шукрачарья. Хорошо. И я счастлив, что моя милая Деваяни замужем за столь благородным человеком!

Капила. Да, отец!

Шукрачарья. Прошло много лет с тех пор, как в последний раз я видел милое лицо своей нежной дочери; мне говорили, что она родила своему царственному супругу двух прекрасных мальчиков. Мое сердце жаждет обнять их всех! Но смотри-ка, золотая колесница благословенного Солнца покоится на самой высокой вершине западных гор, а это – неблагоприятное время, чтобы вступать в город!

Капила. Да, отец!

Шукрачарья. А посему прошу тебя, добрый Капила, устроить нам вечернюю трапезу; здесь, в этом тихом месте, которое милосердие создало для пользы и утешения утомленных путников, мы останемся на ночь. Ты, добрый Капила, не чужой в этой земле. Однажды ты здесь уже бывал, когда приглашал царственно-

¹ Приют для паломников.

² Вишвакарма – Вулкан индусской мифологии (прим. М. М. Догто).

³ В индийской мифологии – столица гималайского царства демонов-якшей.

⁴ В индийской мифологии – небесный город, где правит Индра, с тысячей врат, полный золота и драгоценных камней.

го Яяти взять мою Деваяни в жены. Спешу, Капила, и проследи за всеми необходимыми приготовлениями!

Капила. Исполнять поручения моего святого отца – всегда честь для меня!

Уходит.

Шукрачарья. До возвращения Капилы отдохну-ка я под этим величественным деревом и сосредоточусь на величии Шивы (*садится*).

Входят переодетые Деваяни и Пурника.

Пурника. Отчего госпожа так молчалива, твоя милость?

Деваяни. Прошу тебя, подойди ко мне, милая Пурника! Уединенность и глубокая тишина этого места пугают меня. Ах, как же нам, двум бедным, простым женщинам добраться до далекой страны асуров?

Пурника. Милостивая госпожа, ты повторяешь мысли, которые я готова высказать, но боюсь тебя обидеть! Нам лучше было бы вернуться во дворец!

Деваяни (*со злостью*). Если тебе так хочется, давай, иди назад!

Пурника. Прошу прощения твоей милости, моя госпожа! Я готова следовать за тобой всюду, где бы ты ни пожелала странствовать.

Деваяни. Ты советуешь мне вернуться в этот проклятый дворец, чтобы снова видеть лицо этого гнусного клятвопреступника? Пусть он правит со своей Шармиштхой и пусть наречет ее своей царицей! Здесь я отрекаюсь от него навсегда! Да, я оставила с ним своих детей, но вскоре заберу их в обитель своего отца. Они – внуки бедного брахмана; что им до царского наследства? Пусть его наследниками будут дети Шармиштхи, пусть им отойдет его достоинство и богатство. Увы! в недобрый час я встретила его! Вот награда за мою любовь к нему – любовь, которая не ведала границ! О Боже! За что ты превратил чарующего фимиамом Чандану¹, чьи побеги лънули так ласково, в ядовитое дерево? Отчего яркая жемчужина, которую носила я на своей груди, стала шаром жестокого огня? (*Плачет.*) О, так ты наказываешь меня за любовь к нему! Но отныне у меня не будет мужа...

¹ Дерево из семейства санталовых.

Пурника. Умоляю твою милость, помни, что произносить такие слова замужней женщине – дурное предзнаменование!

Деваяни. Ты называешь меня замужней? Но есть ли у меня муж? Разве владыку сердца моего не сожрала эта жестокая змея, Шармиштха? *(Падает в обморок.)*

Пурника. Царица в обмороке. Помогите! Помогите! Увы! В этом пустынном месте никто не слышит моих криков! Как я могу оставить ее одну и пойти к Ямуне за водой? Увы, та, по первому велению которой сотня служанок торопилась исполнить приказ, лежит на голой холодной земле, и никто не даст ей глотка воды! *(Плачет.)*

Шукрачарья *(встает и выходит вперед)*. А? Не слышался ли мне чей-то плач? *(Видит Пурнику.)* О, скажи мне, милая госпожа, кто ты, что плачешь здесь в одиночестве, и кто она, что лежит на земле?

Пурника. Молю о прощении, господин! Но сейчас не время удовлетворять любопытство! Эта госпожа упала в обморок. Прошу вас, останьтесь с ней, а я принесу воды из той реки! *(Уходит.)*

Шукрачарья. Вот загадка, что так трудно разрешить! Земные ли это дочери или прекрасные ведьмы, что вводят в заблуждение неосторожных смертных своими злыми чарами?

Деваяни *(несколько приходя в себя)*. Прочь, клятвопреступник, обманщик, прочь, прочь!

Шукрачарья. Странно! Похоже, она упрекает человека, который обидел ее.

Деваяни. О, как не стыдно тебе! Не прикасайся ко мне! Уходи, иди к своей дорогой Шармиштхе! Гадкая чандалини стала спутницей гнусного чандалы¹! Сладкоголосый кокил гнушается жить рядом с каркающим вороном! Соизволит ли львица взглянуть на шакала! Прочь, говорю тебе, прочь! Не прикасайся ко мне! Что мне до твоей короны, твоего скипетра и твоего трона? Разве ты не знаешь, что я дочь прославленного мудреца Шукрачарья, которого чтут и люди, и боги? О! *(Падает в обморок снова.)*

¹ Чандалы – «неприкасаемые», люди, стоящие в иерархии индуизма ниже всех варн, представители самых ритуально нечистых профессий.

Шукрачарья (с удивлением). Что это? Уж не сплю ли я? Не вижу ли я сон? Я слышу тихий шепот стремительной Ямуны, я вижу, как листья пляшут под музыку ветра! Что же это за диво? И кто эта девушка? (*Снимает ее вуаль.*) А? Это моя нежная Деваяни? Полумесяц, что долгие годы радовал мои глаза своей новорожденной красотой, теперь полон великолепия! Но что привело сюда мое милое дитя?

Возвращается Пурника.

Пурника. Отойди, добрый господин, вот вода! (*Брызгает водой в лицо Деваяни.*)

Деваяни (*приходя в себя*). Где ты, моя Пурника? Уже утро? Мой милый владыка ушел в тронный зал? (*Смотрит вокруг.*) О Пурника, что это за странное место?

Пурника. Прошу тебя, госпожа, встань.

Деваяни (*встает, видит Шукрачарью; в сторону, Пурнике*). Скажи мне, милая, кто сей почтенный муж?

Шукрачарья. Разве ты не знаешь меня, дитя мое?

Деваяни. Что ты говоришь, почтенный?

Шукрачарья. Я говорю: неужели ты забыла меня, дитя мое?

Деваяни. Господин! Мой отец! О, мой дорогой отец! (*Падает к его ногам.*) Само Провидение привело тебя сюда сегодня! (*Плачет.*)

Шукрачарья. Мое милое дитя, почему ты плачешь? Скажи мне, как живешь ты? (*Поднимает ее и целует в голову.*)

Деваяни. Отец! О, спаси свое несчастное дитя от пламени, которое объяло ее! (*Плачет.*)

Шукрачарья. О чем говоришь ты, дитя мое? Чем ты так расстроена? Мне нерадостно видеть тебя в этом незнакомом месте. Почему ты покинула дворец и пришла сюда без свиты, подобающей твоему званию и достоинству?

Деваяни. Ах, отец, разве есть у твоей несчастной дочери звание и достоинство?

Шукрачарья. О чем ты говоришь, дитя мое? (*В сторону.*) О Небо, что это за испытание? (*Громко.*) Умоляю, скажи, что произошло с твоим царственным супругом?

Деваяни. О, умоляю, отец, пусть твои почтенные губы не произносят имени этого клятвопреступника!

Шукрачарья (*сердито*). Как смеешь ты, злая, бесстыдная женщина! Как можешь ты порочить мужа в нашем присутствии?

Деваяни (*падает на колени*). О, испепели меня, отец, молниями твоих глаз! На коленях прошу тебя – убей меня, чтоб позабыла я свои печали! (*Плачет.*)

Шукрачарья. Отчего же ты не расскажешь мне о том, что вызвало твою горе, дитя мое?

Деваяни. Отец! Мой дорогой отец! (*Плачет.*)

Шукрачарья (*Пурнике*). Если ты Пурника, прошу тебя, открой мне эту тайну!

Деваяни (*встает*). Отец! Тот, кому ты отдавал меня как милостивому царю, увы, оказался подлым чандалой!

Шукрачарья. Да простит тебя Небо, дитя мое! О чем ты говоришь?

Деваяни. Отец, он вероломно обманул меня, тайно женившись на моей рабыне, высокомерной негоднице Шармиштхе! (*Плачет.*)

Шукрачарья. О, ха-ха! Разве тебе не известно, что мужчинам из варны воинов позволено иметь много жен?

Деваяни. Тогда твоя дочь, отец мой, должна делить супружеское ложе с ненавистой соперницей?

Шукрачарья. Раз я выдал тебя замуж за человека из касты воинов, то волей-неволей...

Деваяни (*падает на колени*). Отец, мой дорогой отец, умоляю тебя, прокляни его!

Шукрачарья. Молчи, дитя! Даже слушать тебя грешно!

Деваяни. Тогда дай мне похоронить свои печали под водами той реки! Позволь мне умереть, отец! (*Плачет.*)

Шукрачарья. О Небо, помоги мне! Ты хочешь, чтобы я обратил твоего мужа в прах?

Деваяни. О, нет, отец! Но я молю тебя, наложи на него заклятье дряхлости, чтоб он больше не мог похищать сердца простодушных дев своими колдовскими улыбками!

Шукрачарья (*помедлив*). Хорошо, возвращайся во дворец!

Деваяни. Никогда, о, никогда больше твоя дочь не вступит в эти проклятые стены!

Шукрачарья (*сердито*). Тогда я отказываюсь исполнять твою просьбу!

Деваяни. Подчиняюсь тебе, мой отец! О, не забудь покарать его за клятвопреступничество и ложь! Пойдем со мной, моя Пурника!

Деваяни и Пурника уходят.

Шукрачарья. Удивительно, как влияет на сердце родительская привязанность! Но я должен внимательно изучить открытую мне Книгу судьбы и понять, почему такое бедствие должно омрачить дни столь благочестивого царя, как Яяти.

Уходит.

Сцена III

Там же. Сад перед жилищем Шармиштхи.

Входят Шармиштха и Девика.

Девика. О, не плачь, дорогая госпожа! Тщетно сожалеть о былом. Даже Время, что меняет все в мире, неспособно изменить это жестокое, безжалостное сердце! О стыд! Какой позор, что такая негодница, как эта Деваяни...

Шармиштха. Нет, не забывайся! Прошу тебя, скажи мне: если ты владеешь бесценной жемчужиной, а кто-то захочет и украдет ее, не станет ли твое сердце биться с дикой обидой, и не захочешь ли ты...

Девика. Моя царевна, нужно ли задавать такой вопрос?

Шармиштха. Тогда зачем ты ругаешь царицу? Для любящей жены супруг ее сердца – самое драгоценное сокровище, та самая бесценная жемчужина. Прошу тебя, добрая девушка, не думай, что эти слезы вызваны злыми и горькими упреками Деваяни! О нет! Они текут, потому что сладостные, но грустные воспоминания о прошлом охватывают мое сердце, когда я думаю о будущем – таком мрачном, таком темном, полном мрачных образов и иллюзий! О, неужели никогда больше не увижу я это лицо! Увы! Как лань вздыхает по ручью, так и душа моя вздыхает по тебе! *(Плачет.)*

Девика. О, не плачь, милая госпожа! Милостивый повелитель, ручаюсь, вскоре возвратится к тебе снова.

Шармиштха. О, если бы Господь мог убедить это страдающее сердце поверить тебе! *(Плачет.)*

Девика. О, утешься, дорогая госпожа! Смотри, с какой терпеливой надеждой сладкая кумудини наблюдает за медленными, тор-

жественными шагами сумрака, который возвращает ее тоскующим глазам яркую любовь – Луну! Разве любящая чакраваки не переживает на своем одиноком ложе долгую ночь, чтобы утром прильнуть к груди своего господина?

Шармиштха. Ах! Разве ты не знаешь, что яркая Луна, которая радовала небеса этого сердца своими спокойными лучами, ушла навек! О, рассеет ли рассвет милого дня беззвездную ночь моей печали? *(Плачет.)*

Девика. Моя царевна, я умоляю тебя, вспомни, что твои страдания огорчают даже твоих милых маленьких детей!

Шармиштха *(со вздохом)*. Прошу тебя, пойдй к ним и успокой их детские печали!

Девика. Прошу меня простить, моя царевна, но я не хочу оставлять тебя одну.

Шармиштха. О, как раненая лань ищет самую отдаленную лесную поляну, чтобы умереть, никем не замеченной, и чтобы никто не видел ее льющих слез, кроме Того, кто наполняет все пространство своим невидимым и страшным присутствием, так и мне позволь рыдать здесь, пока я не забуду свои печали на груди Смерти! *(Плачет.)*

(За сценой.) Как же можно успокоить таких непослушных детей? Где царевна? Прошу, позови Девику!

Шармиштха. Что там, прошу тебя, послушай! Пойди и успокой их!

Девика. С неохотой исполняю твой приказ.

Девика уходит.

Шармиштха. Ах! Чьему сострадающему слуху открою я грустную историю моей печали – о жестоком пламени, которое пожирает мое обреченное сердце! *(Вздыхает.)* И ты, милый властелин моего сердца, так оставил меня? Они называют тебя безбрежным Морем милосердия. О, разве достоин ты этого имени? Отберешь ли ты пищу у голодного бедняги, которого прежде осыпал щедротами? Заставишь ли нищего вернуть драгоценный камень – твой собственный дар, – в который он вцепился жадными пальцами? Погасишь ли свет, которым направлял шаги заблудшего путника в непроходимых лесных чащах, когда узнаешь, что лишь этот подобный путеводной звезде луч способен спасти его? *(Вздыхает и подходит к баньяну.)* Приветствую

тебя, величественное древо; на Земле ты – образ Божьего благоволения! У тебя есть бесконечные лиственные покои для ночных жильцов, усталых воздушных паломников, и сочную пищу ты даешь им щедрой рукой. Когда яростные лучи Солнца лихорадят кровь в тысячах вен Земли, трепещущие стада и стаи мчатся к тебе, словно птенцы к матери, к любящему дому! О, ты, благословенное царственное древо! Как отец оставляет своего смущенного ребенка у алтаря, так и ты отдало эту безнадежную бедняжку ему, ибо под твоей торжественной сенью назвал он меня – женой! Ах, отец, в отчаянии сердца моего пришла я к тебе! О, спаси меня! (*Плачет.*) Где – увы! – сладостные часы радости, что были моими в нашей свадебной беседке? Скажите мне, о нежная Луна, золотые звезды, что улыбаются издалека, и сладкий Южный ветер, бесшумными шагами приходящий целовать ночные цветы, скажите же мне – они не вернутся больше? Как странно! Воспоминание о радости – больше не радость; но память о печали никогда не перестает быть печалью!

Песня

В этой беседке, ныне печально пустой,
Звезды когда-то так ярко сияли для нас.
Моя голова находила здесь сладкий покой
На груди любимого в нежный полуночный час.
Луна освещает и пруд, и траву, и цветы,
Но нет здесь любви моей. О милый друг, где же ты?

Приди же ко мне, о грустный ветер ночной!
Смотри, как горькие слезы мне застыт глаза!
Пусть мои вздохи скроет от всех шепот твой.
Целуй же, целуй жаркий лоб мой! Поверь мне, в слезах
Мне будет казаться, что ты – мой возлюбленный! Пусть
Ветер ночной разделит со мной мою грусть...

Как часто здесь я пела ему мои самые сладкие песни! (*Вздыхает.*) Увы, те дни никогда не вернутся. Как странно! Вот место, которое он любил; этот час привел его ко мне; вот я, которую он искал; место, время – все осталось прежним; но почему же я все еще скорблю? Отчего это сердце как лишенная струн лютня, чей мелодичный голос затих? Ах, будут ли течь горные ручьи, на-

полняя воздух звонкой дрожью, если облака перестанут поить их? О, ты оставила меня, царственная гора, к которой испуганная и уставшая лань, одинокая, отбившаяся от стада, пришла искать убежища! (*Садится под дерево и плачет.*)

Входит царь.

Царь. Ах, как красиво! Яркие лучи Луны одели сад в серебряные одежды, и многогласная Земля сейчас молчит, как отшельница, погруженная в созерцание. Мириады светлячков лежат на каждом росистом листе, словно тускло мерцающие жемчужины. Боже! Все счастливы в творении твоём, один лишь бедный человек несчастен. (*Вдыхает.*) Всадники, посланные за царицей, еще не принесли вестей. Ах, пусть будет так, как угодно Судьбе! Теперь мне нужно найти царевну, и все же – болезненное чувство стыда приходит ко мне, когда я вспоминаю, как жестоко царица оскорбила ее. (*Идет дальше.*) Ах, в тени этого раскидистого дерева я впервые встретил ее! (*Вдыхает.*)

Шармиштха (*встает*): В сладкую, весеннюю пору женственности ее жестокий гнев сделал меня рабыней, а теперь она лишает меня единственного утешения в жизни! О Боже! Неужели ты создал эту Деваяни, чтобы она была проклятием всего моего земного счастья?

Царь (*видя Шармиштху*). Что? Я вижу здесь мою любимую?

Шармиштха (*видит царя и берет его за руку*). Мой милый господин, я, наверное, сплю? Ах! Я уже и не надеялась увидеть вновь это дорогое лицо!

Царь. Можешь ли ты простить меня?

Шармиштха. Простить тебя?

Царь. О, разве ты можешь забыть, что страдала из-за меня, и простить причину твоих страданий?

Шармиштха (*с улыбкой*). Разве не боль, Властитель, так часто является расплатой за удовольствия? Разве тебе не известно, что долгое, мучительное покаяние – единственный ключ, что открывает золотые врата Небес?

Царь. Царица...

Шармиштха (*холодно*). Прошу твою милость, Владыка, вернуться во дворец. Царица, вероятно, ждет твоего возвращения.

Царь (*берет ее за руку*). И ты тоже отвернешься от меня? Мой Бог! Когда ты обрекаешь несчастного на гибель, всегда так происходит!

Шармиштха. О, не говори так, умоляю вас, мой властелин! Царица...

Царь. О, не говори о ней! Она ушла!

Шармиштха. Как, мой государь?

Царь. Она ушла из города вместе с Пурникой – возможно, в обитель своего отца.

Шармиштха. О Боже! Как страшно! Умоляю тебя, государь, садись на самую быструю колесницу и догоняй ее. Ах! Ты не знаешь, как вспыльчив, как скор на расправу ее отец! И гнев его губителен! Прошу тебя, господин, не теряй ни минуты!

Царь. Нет, напрасен твой совет! Змей, хранящий в голове драгоценный камень, скорее расстанется с жизнью, чем с камнем! Я не могу тебя оставить, и если нам суждено погибнуть – умрем вместе!

Шармиштха. Нет, мой нежный властелин, не думай обо мне. Мир стал для меня школой горьких страданий, и, если так будет нужно, я пойду нищенкой от двери к двери и буду готова к безжалостному презрению, что обрушится на мою обнаженную голову! О, прошу твою милость, не дай погибнуть этому благородному дому, этой знаменитой Лунной династии!

Царь. Разве знаменитая Лунная династия мне дороже, чем ты? Пусть сгинет ее слава! Но ты...

Шармиштха. Скажи, прошу тебя, мой милый властелин, чем вызвано твое внезапное молчание?

Царь. Я чувствую, будто смертельная стрела пронзила мою грудь! Темнеет в глазах... (*Падает в обморок.*)

Шармиштха. Ах! Так ты оставляешь меня, мой Владыка, мой царь! О, кто защитит теперь ту, что была тебе дороже славы всего твоего рода? (*Плачет.*)

Возвращается Девика.

Девика. Царевна, молю тебя, скажи, что все это значит? (*Видит царя*). Ах, почему милостивый Владыка этого могущественного царства лежит на голой земле?

Царь (*слабым голосом*). Прощай, прощай навек! Ах! Я умираю...

Шармиштха (*плачет*): О, позволь мне следовать за твоей милостью, мой государь!

Девика. Моя царевна, не предавайся горю, а помоги мне поднять повелителя.

Шармиштха. Ах! Сердце мое слабеет!

Уходят вместе с царем.

Входит Видушака.

Видушака (*прислушивается*): Что-что? Что значит этот внезапный громкий и горестный плач во дворце? Уже прошло несколько часов с тех пор, как я видел своего царственного друга. От стражника я слышал, что царица вернулась в свои покои.

Входит плачущая служанка.

Служанка: Ах, ах, что будет с нами?

Видушака (*нетерпеливо*). Скажи, добрая девушка, в чем дело?

Служанка: Разве вы не слышали? Ах, ах, что будет с нами?

Уходит, плача.

Видушака. А, чума на тебя, глупая! О, но что случилось?

Входит Министр.

Скажи, превосходный, в чем дело?

Министр (*печально*). О! Эта смертоносная змея...

Видушака. Что, змея ужалила милостивого царя?

Министр. Можно сказать и так, мой добрый господин! И смертельный яд этой змеи мог бы бросить вызов даже искусству божественного Дханвантари.

Видушака. Сиятельный говорит со мной туманными загадками, мой господин?

Министр. Ах! Мудрец Шукрачарья проклял Владыку!¹

Видушака. А? И как это мудрец узнал обо всем так быстро?

Министр. Он в городе, пришел несколько часов назад.

Видушака. Ах! Позволь мне погибнуть, мой друг, с тобой и с царем!

Уходит с министром.

Входят Деваяни и Пурника.

Пурника. Эти слезы, эти вздохи, милая госпожа, не вернут прошлого. Раскаиваться – увы! – поздно.

¹ Ади-парва. Гл. 78, 30.

Деваяни. О, я ли не самая злобная негодница, что когда-либо ходила по этой прекрасной земле? Боже мой, своими нечестивыми руками я осквернила и разбила священный образ, пред которым преклонялось мое сердце! *(Плачет.)* Как можешь ты, мать-Земля, без содрогания носить на груди своей такое жестокое чудовище? Зачем ты, яркая Луна, светишь на меня так холодно? Обрушь на меня огненный дождь и мор, обрати меня в прах! *(Плачет.)* Отчего ты забыла меня, Смерть? *(Плачет.)*

Пурника. Прошу твою милость, вернись к твоему почтенному отцу! Только один он в силах восстановить благородную ткань, безжалостно уничтоженную.

Деваяни. Ах! Как посмею я снова показаться перед ним? Не оттолкнет ли он меня? Ах, мой прекрасный, прекрасный владыка, мой благородный супруг! Ты – самая яркая жемчужина на величественном челе Царственности! О! *(Плачет.)*

Пурника. Умоляю, милостивая, вернись к мудрецу!

Деваяни. Он сказал мне: «Дай мне уйти, милая, в лесное уединение, забыть там мир и умереть!» О, разбейся же, несчастное сердце! О! *(Плачет.)*

Пурника. Пойдем, милая госпожа, пойдем искать мудреца.

Уходит, уводя царицу.

Конец четвертого действия.

Действие V

Сцена I

Там же. Перед Храмом.

Входит Видушака и горожане.

Видушака. Прошу вас, терпение! Почтенные, вы с ума сошли? Смотрите, золотая колесница Солнца остановилась на полпути, а деревья, которые окаймляют этот путь, остались без тени! Неужели вы хотите разрушить этот царский город?

Первый горожанин. Как же, почтенный?

Видушака. Этот ли вопрос нужно задавать? Говорю вам: уже близится полуденный час, а я еще не совершил омовения и не съел свой завтрак. Что, если муки голода заставят замолчать голос милосердия в моей груди и мой язык проклянет вас всех?

Первый горожанин. Ха-ха! Действительно, пресвятой брахман! Но прошу тебя, взгляни на восток. Смотри, золотая колесница

владыки дня покоится на ярком пике восточного холма, а цветы еще украшены утренними росами. И это вы называете полднем, почтенный?

Видушака. О, господин, успокойся! Вот астроном (*указывает на свой живот*), чье мнение в вопросах движения Солнца бесконечно точнее, чем даже у твоего Арьябхатты¹.

Первый горожанин. Ха-ха! Воистину, ученейший из людей!

Второй горожанин (*в сторону*). Чума на идиота! Когда научится он говорить разумно? (*Громко.*) Скажите, господин, как его царское величество сумел избавиться от ужасного проклятья?

Видушака. О, хо! Откуда дует ветер, друзья мои!² Мы, почтенный, поклоняющиеся богу-Животу, никогда не приступаем ни к какому делу, не сделав подношений нашему веселому божеству!

Второй горожанин. Твое благочестие, почтенный, делает тебе бесконечную честь. Мы обещаем тебе не забыть про это божество.

Первый горожанин. Смотрите, наш благородный министр!

Видушака. Что? Вы хотите покинуть меня, друзья?

Второй горожанин. Конечно, нет!

Входит министр и горожане.

Первый горожанин. Приветствуем превосходного! Мы все жаждем узнать, каким чудом наш царь вернул себе здоровье.

Министр. О, это действительно чудо! Когда царица увидела страдания нашего милостивого Властителя, ее горе не знало границ! Она рыдала, и в муках сердца молила о смерти! Ее наперсница Пурника убедила ее отыскать достопочтимого мудреца.

Первый горожанин. И что было дальше, мой господин?

Министр. Слезы дочери смягчили сердце риши, и он сказал: «Не в моей власти отозвать слова, произнесенные мной. Но если кто-нибудь из детей твоего мужа возьмет на себя проклятие на тысячу лет, то повелитель сможет вновь наслаждаться здоровьем».

Второй горожанин. Удивительно!

¹ Арьябхатта – имя великого индийского астронома (прим. М. М. Дотто). [Упоминание Арьябхатты (476–550) – анахронизм, действие пьесы происходит задолго до его рождения].

² Шекспир У. Много шума из ничего. Акт 2, сцена 3.

Министр. Царица вернулась во дворец и рассказала об этом его величеству. Он послал¹ за царевичем Яду – старшим из сыновей, и сказал ему: «Сын мой, ты – будущая опора и слава нашего великолепного дома! Гнев Шукрачарьи поражает преждевременным старением дни моей мужественности! Исцелишь ли ты меня, сын мой, возьмешь ли на себя проклятие на тысячу лет?»

Первый горожанин. Что же ответил царевич, мой господин?

Министр. Он сказал: «Мне горько видеть тебя, царь мой, в таком состоянии, но я прошу твою милость простить меня».

Второй горожанин. И тогда...

Министр. Наш милостивый Властелин проклял своего старшего сына и велел ему уйти.

Первый горожанин. Непочтительность царевича заслуживала наказания.

Министр. Владыка послал за остальными детьми и царицы, и царевны Шармиштни, кроме Пуру. И все они отказались пожертвовать юношескими удовольствиями ради него.

Второй горожанин. Удивительно! И что же дальше?

Видушака. О, нетерпеливый! Позволь языку превосходного отдохнуть некоторое время.

Министр. Царь проклял их всех и в отчаянии своего сердца громко взывал к смерти! Как вдруг Пуру, младший из сыновей царевны Шармиштни, почти младенец, вышел вперед и, встав на колени перед царским троном, воскликнул: «Неужели ты, отец мой, презираешь меня за то, что я ребенок? Пусть проклятие Мудреца падет на меня, и я с радостью отдам в жертву молодость и здоровье, чтобы Владыка был счастлив!»²

Все. Удивительно!

Министр. Царь обнял своего благородного сына и сказал: «Благословляю тебя, сын любви моей, и ты будешь править этой опоясанной морями землей как единственный правитель, и слава твоя будет сиять вечно, словно солнце в небе!»

Все: Да победит царевич Пуру! Пусть он живет вечно!

Первый горожанин. И что же потом, превосходный?

¹ Ади-парва. Гл. 79, 1–21.

² Ади-парва. Гл. 79, 27–29.

Министр. Наш благородный Владыка вновь принял на себя царские обязанности.

Второй горожанин. Спасибо, благородный господин! (*Горожанам.*) Пойдем же, отдадим дань уважения нашему милостивому Властителю!

Министр. Я иду на молитву в храм.

Уходит.

Первый горожанин. Пойдемте.

Горожане уходят.

Видушака. Ха-ха! Я кое-что понял, глядя на этих любителей новостей. Плод хлебного дерева вдвойне слаще на вкус, если есть его за чужой счет.

Входит Нати.

Ха! Моя небесная нимфа! Ты приходишь ко мне как прохладный поток к жаждущему, как облако, несущее тень, к человеку, измученному беспощадными лучами Солнца! Ха! Ха! (*Танцует.*)

Нати. Умоляю тебя, почтенный, позволь мне пройти во дворец!

Видушака. Ты сама – как золотой дворец, в котором царит Красота! (*Танцует.*)

Нати (*в сторону*). Как мне избавиться от этого безумца? (*Громко.*) Умоляю, отпусти меня!

Убегает.

Видушака. Воровка! Держите воровку! Она убегает – с моим сердцем!

Убегает.

Сцена II

Там же. Зал приемов во дворце.

Входят царь, царица, девушки, Видушака, придворные и прочие

Царь. Как радуется мое сердце, когда я думаю, что вскоре увижу священные стопы прославленного Риши!

Царица. Твоя милость отправил министра пригласить нашего почтенного отца во дворец?

Царь. Дорогая, досточтимого будут сопровождать благороднейшие из наших придворных.

За сценой. Слава Шиве!

Песня

Пойте славу Владыке Умы¹, чьим достоинствам несть числа, богу богов, победившему смерть и грех! В горле его – голубой яд, а на челе ярко сияет полумесяц, что не меняется никогда. Он – хозяин чудесного лука Пинака², всеуничтожающего Трезубца, Он трубит в ужасающий Рог! Ему поклоняется Брахма и великий Индра, владыка Сварги³, Он – лотосоподобный Шива, Бог верховный!

Царь. Пришел прославленный мудрец! *(Все встают.)*

Входят Шукрачарья, Капила, министр и другие.

Шукрачарья. Властелин опоясанный морем земли, пусть Владыка Вселенной благословит и хранит ваше величество! *(Царице.)* Да пребудет с тобой счастье, мое милое дитя!

Царь *(приветствуя).* Досточтимый Отец, твое священное присутствие здесь делает честь этой древней столице Лунной династии! Прошу тебя, садись! *(Капиле.)* Приветствую ученого Капилу! *(Все садятся.)*

Шукрачарья. Наилепроднейший среди царей, почему я не вижу в этом блестящем собрании прекрасной дочери моего любимого ученика, могущественного владыки асуров?

Царь *(министру).* Пусть пригласят госпожу Шармиштху, дабы она украсила это собрание своим присутствием.

Министр *(поднимаясь).* Спешу повиноваться милостивому государю! *(Уходит.)*

Шукрачарья. Благородный царь, волей Провидения уготовано, что царевичу Пуру, младшему сыну Владыки, должно унаследовать славу вашего знаменитого рода, но появилась туча, на какое-то время омрачившая солнечное сияние вашего процветания! *(Царице.)* И ты, дитя мое, не ропщи на Веления Судьбы, что отняли твоих детей от царственного сердца их отца! Такова воля Отца Вселенной!

Возвращается министр с Шармиштхой и Девикой.

Шармиштха. Склоняюсь к священным стопам почтенного наставника моего царственного отца, и приветствую это благородное собрание.

¹ Ума – богиня, жена Шивы.

² Шива использует лук Пинака во время уничтожения Вселенной.

³ Один из небесных миров в мифологии индуизма.

Шукрачарья. Моя нежная царевна, мое сердце радуется, когда я вижу твой прекрасный лик после стольких лет! Дочь величественного царя асуров, благословенна ты, ибо как яркое Солнце наполняет вселенную своим золотым блеском, так и твой сын Пуру наполнит землю своей славой! Сегодня освобождаешься ты от рабских цепей, созданных для тебя не человеком, но всеохватывающей волей Провидения! Будь счастлива! (*Царю.*) Прошу ваше величество принять ее как еще один драгоценный камень от меня!

Царь. Для меня честь повиноваться прославленному мудрецу! (*Царице.*) Какова воля милостивой владычицы?

Царица (*с улыбкой*). Высокий повелитель, мой дорогой государь немного припозднился с обращением к моим пожеланиям в этом деле!

Шукрачарья (*царице*). Прошу тебя, дочь, окажи честь другу и спутнику твоего детства!

Царица (*встает и берет Шармиштху за руку*). Моя милая подруга, умоляю тебя простить и забыть прошлое.

Шармиштха. Моя нежная подруга, Высшая, а не твоя воля, позволила всему этому случиться.

Царица. Пусть же росток нашей любви вновь приносит цветы и плоды, и впредь мы будем жить вместе в мире и согласии. (*Царю.*) Мой милый государь, две лианы сегодня обнимают одно и то же дерево.

Царь (*улыбается и заставляет их сесть по обе стороны от себя*). Приветствую вас обеих. Я вижу два прекрасных бутона, цветущих на одном стебле.

Тихая музыка звучит в воздухе.

Шукрачарья (*смотрит вверх*). Что? Дивные нимфы из свиты Индры явились возблагодарить Высокого повелителя за этот счастливый союз?

В воздухе.

Песня

Первая нимфа:

Земли, опоясанной морем, владыка,

Хранимый бессмертным Творцом!

Повсюду с тобой звезд небесных улыбка,

Увенчанный славы венцом!

Хор:
Так пусть вековая Слава
На нежных и верных крылах
По воле сиятельной Лакшми
Всегда живет в царских дворцах!

Вторая нимфа:
Тебе Благодарность – имя,
И песни ее сладок звон!
И будешь ты счастьем, здоровьем,
Миром всегда окружен.

Хор:
Так пусть вековая Слава... (и т.д.)

Первая нимфа:
Победным твое будет знамя,
Повергнет порочных и злых,
И добродетель повсюду
Восславит в пределах твоих!

Хор:
Так пусть вековая Слава... (и т.д.)

Вторая нимфа:
Овеянный великолепьем
Любви твоей чистой плод –
Славный царевич Пуру –
Счастье стране принесет!

Хор:
Так пусть вековая Слава... (и т.д.)

Обе нимфы:
Земли, опоясанной морем, владыка,
Хранимый бессмертным Творцом!
Повсюду с тобой звезд небесных улыбка,

Увенчанный славы венцом!

Хор:

Так пусть вековая Слава
На нежных и верных крылах
По волей сиятельной Лакшми
Всегда живет в царских дворцах!

Осыпают присутствующих цветами.

Видушака (*царю*). Милостивый повелитель, небесные музыканты очаровали нас своей мелодией; но есть и земные нимфы, которых еще предстоит услышать.

Царь (*с улыбкой*). Пусть их позовут.

Видушака. Вот они, мой государь! Прошу вашу милость, взгляните на них! Ах, так танцуют нежные лотосы, когда сладкий южный ветер волнует прозрачные волны!

Царь. Нет, как прекрасный лотос плывет по неспешно текущим волнам, так и их принес сюда богатый поток мелодии.

Входят танцовщицы.

Танцовщицы. Да будет царь победоносным!

Песня

О милый лотос, улыбнись, твой возлюбленный – Солнце – сияет высоко, и убежала туча, ненадолго затмившая его величие. Послушай лесную песнь, которую Природа одевает в его ослепительный блеск! Улыбнись! На троне хрустальном твоём – цветущая царица.

Царь. Как прелестно! Пусть этих прекрасных девушек щедро наградят.

Шукрачарья. А теперь, благороднейший Яяти, пусть Владыка будет счастлив, и пусть знамя триумфа Шармиштхи и впредь развевается на крыльях Славы!

Царь. Достопочтенный отец, слова святого не могут не исполниться!

Занавес.

Конец пятого действия.

Майкл Модхушудон Дотто и его «Шармиштха»

Творчество Майкла Модхушудона¹ Дотто (1824–1873) – бенгальского поэта и драматурга – оказало огромное влияние на развитие бенгальской литературы, став ярким явлением культурной жизни Индии XIX в. Наряду с широко известным в нашей стране Бонкимчондро Чоттопадхаем Дотто был основателем современной литературы Бенгалии, идейным предшественником Рабиндраната Тагора и целой плеяды замечательных поэтов и писателей.

Ауробиндо Гхош², отдавая дань памяти предшественникам-поэтам, отмечал: «Бонким и Модхушудон дали миру три благородных дара. Они дали ему бенгальскую литературу – литературу, чьи царственные творения могут выдержать сравнение с самой великолепной классикой современной Европы. Они дали миру бенгальский язык, который перестал быть диалектом, но превратился в речь богов, язык неуываемый и нерушимый, который может умереть только со смертью бенгальской нации, да и тогда едва ли. Наконец, они дали ему бенгальскую нацию – людей смелых, энергичных, изобретательных и творческих, стоящих наравне с самыми интеллектуально развитыми народами мира...»³ Столь восторженная оценка, вероятно, может вызвать у читателя недоверие и скептическую усмешку; однако пристальный взгляд на индийскую историю и культуру XIX в. дает основания для того, чтобы признать за ней право на существование.

В эту эпоху Индия переживает непростой, во многом переломный момент своей истории. Власть британских колонизаторов постепенно распространилась по всему субконтиненту, а упорное сопротивление в разных концах страны было подавлено. Европейцы принесли в Индию новый экономический уклад и новые культурные веяния. В традиционном индийском обществе зарождаются капиталистические отношения, европейское образование становится более доступным, а в некоторых кругах – и довольно востребованным. Начавшийся слом многовекового уклада приводит к переосмыслению места Индии в мире, и в Бенгалии это находит выражение в Бенгальском Возрождении – эпохе бурного развития литературы и искусства, реформаторских течений в индуизме, зарождения патриотической общественно-политической мысли, которая легла в основу движения за национальную независимость. Будучи наиболее экономически развитым регионом Индии, Бенгалия

¹ Другой распространенный вариант написания имени Дотто – Мадхусудан.

² Ауробиндо Гхош (Шри Ауробиндо, 1872–1950) – индийский философ, поэт, революционер, деятель национально-освободительного движения.

³ Sri Aurobindo. Bankim Chandra Chatterji // The complete works of Sri Aurobindo. Pondicherry, 2003. Vol. 1: Early cultural writings. P. 119.

становится флагманом культурной и политической жизни страны, пройдя долгий путь от подражания европейцам до осознания собственной культурной значимости.

Жизнь и творчество Майкла Модхушудона Дотто является прекрасной иллюстрацией этого пути. Дотто получил образование в Хинду колледже – индийском учебном заведении европейского типа, в основании которого принимал активное участие родоначальник Бенгальского Возрождения Раммохан Рай; впоследствии Дотто принял христианство (получив при крещении имя Майкл) и закончил обучение уже в Бишоп колледже – миссионерском заведении для индийцев-христиан. Знакомство с английской литературой стало важной вехой в жизни молодого индийца – он начинает писать стихи на английском языке, подражая Шекспиру, пробует силы в сонете и в 1848 г. создает поэму «Пленница», написанную на индийский сюжет. Однако эта поэма стала одним из последних произведений Дотто на английском языке. В 1850-х гг. он, наконец, обращается к родному языку и становится его «страстным пропагандистом»¹.

Этот период жизни Дотто хронологически совпал с возрождением бенгальского театра, остро нуждавшегося в пьесах на родном языке². В конце десятилетия Дотто обращается к созданию произведений для театра – сатирических комедий, трагедий и пьес на мифологические сюжеты. Первой из них и становится «Шармиштха», написанная в 1858 г. и вскоре переведенная автором на английский язык. Задача автора, как он сам определил ее в предисловии к английскому переводу³, состояла в создании классической драмы – произведения, где бенгальский язык и сюжет из «Махабхараты» соединились бы с европейской драматической традицией, оставив в стороне каноны древнеиндийской классики. Необходимо было и адаптировать историю, рассказанную в эпосе, сделать ее более понятной бенгальскому и английскому зрителю, пригодной для постановки на сцене. Поэтому «Шармиштха» – это прежде всего не повесть об индийских древностях, а отражение современной автору эпохи – бурной и эклектичной, в которой традиционное общество сталкивалось с новыми для него европейскими веяниями, медленно, но бесповоротно превращаясь в ту Индию, какой мы знаем ее сегодня. Это отразилось и на языке пьесы, особенно английского ее варианта, где речь героев изобилует репликами, характерными для викторианской Англии, нежели для «Махабхараты», где влияние Шекспира

¹Товстых И. А. Драматургия Модхушудона Дотто // Драматургия и театр Индии. М., 1961. С. 135.

²Подробнее см. Товстых И. А. Драматургия Модхушудона Дотто. С. 132–133.

³См. с. 3.

чувствуется на каждой странице, а персонажи порой даже цитируют великого английского драматурга. Мифологический сюжет трансформируется в историю о любви, понятную каждому, и тем самым становится самостоятельной историей, которую роднят с оригиналом только имена героев, завязка и финал, тогда как действия персонажей, их мотивы и цели уже совершенно иные, нежели в эпосе.

При всем этом «Шармиштха» не копирует слепо европейские образцы, но вдохновляется и гением Калидасы – величайшего драматурга древней Индии. Из древнеиндийской драмы в пьесу «перекочевал» Видушака – шут, призванный разбавлять своим грубоватым юмором накал страстей, а в комментариях к английскому переводу Дотто ссылается на М. Уильямса – профессора Ост-Индского колледжа, издавшего «Шакунталу» Калидасы пятью годами ранее¹. Таким образом, Дотто выдерживает «золотую середину» – отказавшись от пути, по которому шли его бенгальские предшественники, стремившиеся возродить классическую санскритскую драму, он не создает сугубо «европейское» произведение, а закладывает основы новой драматургии, доселе в Индии невиданной.

«Шармиштха» впервые была поставлена на сцене «Белгачхия театра» в сентябре 1859 г. и прошла с большим успехом. По словам Ауробиндо Гхоша, «Шармиштха» и «Тилоттама» – первые драмы Дотто – произвели на тогдашнее поколение впечатление, сравнимое с тем, которое в свое время произвели «Тамерлан» К. Марло и «Эрнани» В. Гюго². Пьесы Дотто ставил в домашнем театре Джотириन्द्रонатх Тагор³; «Шармиштха» стала первой постановкой Гириша Чандра Гхоша в любительском театре Багбазара⁴, позже переименованного в «Национальный театр».

«Шармиштха», конечно, не лишена недостатков, она несовершенна, и поздние драматические произведения Дотто кажутся более отточенными, динамичными, яркими. Однако именно с нее начинается долгий путь современной бенгальской драмы, которая и по сей день находит как достойных авторов, так и преданных ценителей.

Д. Никитин

¹ Śakuntalā, or, Śakuntalā recognized by the ring. Hertford, 1853.

² Sri Aurobindo. Bankim Chandra Chatterji. P. 113.

³ Один из старших братьев Рабиндраната Тагора.

⁴ Dutt U. Girish Chandra Ghosh. Calcutta, 1992. P. 11.

Содержание

Шармиштха

Действие I.....	5
Действие II.....	15
Действие III.....	27
Действие IV.....	39
Действие V.....	53
 Никитин Д. Майкл Модхушудон Дотто и его «Шармиштха»....	61